

БОРИС МАШУК

**ДРУГИЕ, ЛЮТОВ
И КИЛОМЕТРЫ**

ПОВЕСТЬ

*Газеты сообщали: накануне праздника — 30-летия Победы — строители Байкало-Амурской магистрали закончили укладку пути на участке Бам — Тында...
Рабочее движение поездов открыто на пять месяцев раньше срока...*

...С трассы Лютов вернулся после обеда, крепко продрогшим. К ноябрю холода так прижали — само солнце пугалось. Высоко не забираясь, повисев в стороне от поселка, оно быстро уходило за вершины промороженных сопок. А с его удалением звонче скрипел под ногами снег, и лед над пустошными лужами ломался резко, с короткими стонами.

От холода утепленные сапоги задубели, и Лютов, не заходя в управление, завернул домой переобуться.

Лютов занимал одну из трех комнат в половине двухквартирного дома. Большую часть своего угла он уступил ветерану дорог, бульдозеристу Егорову. Тот приехал сюда со старухой, но сын с невесткой — оба геологи — еще по весне привезли старикам внучек — Аленку и Наташку, шести и семи лет от роду. Глазастые, в бабку курносые, девочки были удивительно шустры, задиристы и постоянно враждовали с семилетним Андреем, живущим в другой половине дома, за стенкой.

И на этот раз, едва Лютов вошел в калитку, к нему подбежал Андрей в шубейке, перетянутой ремнем.

— Дядь Павел! А егорихи все деруца!

Егорихи прятались за крыльцом. Лютова они считали своим и потому без боязни выбрались из-за укрытия.

— А ты не задирайся! — прядь за Лютова, пропищала Наташка.

Андрей сердито поковырял носком валенка снег, исподлобья глянул на Лютова.

— А можно, я их поколочу!

От такой смелости девчонки чуть не подпрыгнули. Резким вздохом Аленка втянула блестящую над губой каплю и выпалила:

— Не задохнесси?

— Та-ак, товарищи строители, — оглядывая враждующих карапузов с высоты своего роста, медленно проговорил Лютов. — Силы у вас много, и ее нужно использовать. — Он строго нахмурился, приказал: — Собирайтесь!

Задрав головенки, ребятишки уставились с настороженным любопытством.

— А... куда? — поинтересовалась Наташка.

— Отправлю вас на укладку рельсов!

Дети не могли не знать, что дядя Павел большой начальник в поселке и сейчас, после его слов про укладку, испуганно переглянулись.

— А мы ишшо маленькие, — потупясь, объяснила Наташка.

— Ничего... Ломы и по вашей руке подберем.

— На укладку я не поеду, — решительно отказался Андрей. — Мамка пироги пекет... Есть их буду!

— Ха! — заторопилась Аленка. — И у нас пироги, и у нас!

— Тогда вот что, — с серьезной растерянностью проговорил Лютов. — Как покончите с пирогами, сразу на трассу... Если, конечно, не помиритесь. Понятно?

— Ага, — вздохнула Наташка.

— А пусть они санки дают мне, — упорствовал Андрей.

— Раз пироги у всех, то и санки должны быть на всех, — строго рассудил Лютов, направляясь к крыльцу. — Шли бы вы по домам, ребята. Носы отморожите!

В доме его встретили запахи вкусной стряпни. Из кухни на стук двери выглянула Прокопьевна, женщина крупная, с обнаженными до локтей руками, знавшими то-

пор, лом с лопатой и мастерок... Кто всю жизнь мотается по новым стройкам, не может не знать их.

Тыльной стороной руки Прокопьевна убрала под косынку прядку волос, улыбнулась.

— К сроку пришел, Павел Захарыч. У меня пироги поспели.

— Да я на минутку, — у порога сбрасывая полушубок, отозвался Лютов. — Некогда...

— Ты свое «некогда» для хворобы прибереги, а ешь вовремя. — Прокопьевна вернулась к печи, на которой что-то жарилось. — Мой вот тоже на свою тарахтелку убрался. Говорил, допоздна будет... Укладка што ль идет?

— Идет...

— Ну, стакан чаю выпить недолго... А, поглянь, пироги какие! С грибочками есть, с рыбой... Тут три дня назад горбушу соленую продавали. Да ты и не знаешь про то. До горбуши ль тебе... Так я ее вымочила, с рисом перемешала, и, гляди, какая вкусная начинка-то получилась...

Прокопьевну Лютов слушал через дверь, открытую в его холостяцкую комнату. В углу стояли кровать и тумбочка, взятые на время у комендантши общежития. Центральное место занимал полированный стол, купленный по случаю. Среди скудной обстановки, рядом с расхлябанной табуреткой столу тому, пожалуй, не по себе было. Ему бы красоваться в отдельной квартире, а тут он завален был книгами, справочниками, пачками папирос, мылом, рулонами чертежей, лежал тут и кулек с пряниками, конфеты, стояла кружка с недопитым когда-то чаем...

Прокопьевна пыталась навести порядок, но Лютов запрещал ей прибирать на столе: в беспорядке он скорее находил нужное.

Слушая соседку, кряхтя, Лютов сбросил сапоги, отыскал под кроватью унты с черным мехом наружу. Натянув их, почувствовал уютность и теплоту обуви, су-

нул в карман тужурки пачку папирос и пошел к порогу. Но и Прокопьевна не дремала.

— Нет-нет, Пал Захарыч. Все уже на столе!

Махнув рукой, Лютов завернул на кухню. Не присаживаясь, быстро съел несколько пирожков, запил их чаем. Увидев, что соседка подвигает ему огромный кусок рыбного пирога, он замахал руками.

— Потом, Прокопьевна... погоди, еще доберемся до твоих пирогов!

— Эх, нелада! — вздохнула старуха. — Так у тебя вся жизнь и пройдет... Да шарф, шарф не забудь! — Наблюдая, как Лютов перебирает пальцами по петлям и пуговицам полушубка, спросила: — Разбойниц моих не видел?

— Тут они, во дворе. С Андреем воюют!

— И мороз чертенят не пужат... Однако, загонять их пора.

— Не замерзнут, — открывая дверь, усмехнулся Лютов. — Сильные люди растут...

Выйдя на крыльцо, он определил, что среди «сильных людей» временное перемирие. Натягивая веревку, Андрей волочил санки, на которых гордо сидела хитрющая Наташка, а Ленка добросовестно подталкивала санки сзади. Ребятишки тонкоголосо дудели, изображая то ли машину, то ли тепловоз, теперь часто проходящий рядом с их домом.

Издаലെка, с гольцов Станового в поселок врывался холодный северик, но дети с санками на снегу, ярком в предзакатном свете, тронули сердце Лютова, и на улице он вышел по-мальчишески улыбаясь.

Кривой переулок подвел Лютова к Центральной улице. Так ее называли из-за двух магазинов, стоящих на маковке косогора, в порядке домов. Там всегда толкался народ, ждали хозяев машины. Но Лютов вышел на Центральную пониже ее главного места и направился к окраине поселка. Шагая, он услышал тарахтение мотора и, под-

няв голову, увидел вертолет, промелькнувший за вершинами ближних деревьев. Лицо Лютова затенила легкая озабоченность. «Почта пошла, — отметил он. — Чего-то задержался пилот. Скоро стемнеет, а ему пора уже быть на базе... Взял ли он прессу?»

Лютов вспомнил молодого, напористого корреспондента с бородкой, отпущенной, видно, для солидности, но до нелепости смешно торчавшей между отворотами всегда поднятого воротника. Несколько дней он надоедал управленцам поезда своими «скажите», «как вы считаете», «а как делается вот это», и, когда засобирался домой, все были рады спровадить его с первой же оказией. Но сегодняшней день не оставлял надежд на попутку, и сам Лютов направил журналиста к знакомому вертолетчику, который перевозил почту, посылки и кассеты с кинолен-тами.

Уже под косогором, у окраины Лютова оттеснила за обочину колонна тяжелых машин. Шли они со стороны станции и на прицепах, трайлерах везли вагончики, экскаваторы, железобетонные трубы, бульдозеры, мешки с цементом, кирпич, компрессор, электростанцию, деревянный брус, доски, ящики с продуктами... «Видно, новая мехколонна где-то разворачивается», — опять отметил Лютов и удовлетворенно вздохнул: ведь это его люди довели рельсы до станции и теперь сюда приходят грузовые составы.

Раньше, с самого начала строительства, в такие вот разбросанные, рождающиеся на пустом месте поселки и до самой Тынды — столицы в здешнем краю — все доставлялось только машинами. А дороги в тайге не асфальт. Тянутся они через затяжные перевалы, на кручи подъемов, петляют по склонам сопок. И ох как дорого обходился подвоз снецовок и свежих помидоров, картошки и дубленок, тетрадей для ребятишек, инструмента и запчастей — всего нужного для жизни многих людей. Сколько перевернуто, покалечено автомашин! Да и много

ли ими навозишь? А Большой БАМ разворачивается все шире и шире, как огромное прожорливое существо, он требует все больше и большего. И уж кто-кто, а Лютов знал, что каждый новый километр протянутого на север пути имеет для всех особую цену.

Скрипя снегом, укрывая лицо от встречного ветра, он свернул с дороги к зеленому вагончику, стоящему на деревянных чурбаках. Снаружи вагончик казался брошенным, но внутри его было тепло. В печке, сделанной из железной бочки, потрескивали дрова, недавно заложенные кем-то из монтеров. Тут же, сразу от входа, стояли скамейки. У стены возвышался стол с темной обшарпанной крышкой. Над ним белели два больших листа ватмана, прибитые крупными гвоздями. На одном был нарисован путеукладчик и смахивающий на бурята монтер. Протягивая руку, он строго спрашивал: «Ты не забыл, что 7 ноября должен быть на 103-м километре?» С другого листа косыми буквами «молнии» сообщалось: «Рекорд укладки — 1600 метров за смену! Можно ли больше?» А чуть ниже «молнии» висел список бригады монтеров Бурьянова, график их продвижения.

Бригады еще не было... В небольшом полутемном помещении Лютов стал вроде бы вдвое больше, грузнее... Пройдясь по вагончику, он остановился над печкой, закурил и задумался о главном, ради чего и пришел... Он знал, что через несколько минут сюда соберутся люди. В эту предпраздничную ночь они обязаны уйти на трассу. И сделать им предстоит почти невозможное, превышающее понятие о пределе человеческих сил. И, может, потому, что не каждый месяц складывались в поезде такие сверхобстоятельства, Лютов хотел поговорить с людьми перед сменой. Он понимал, что нужно бы сказать бригаде что-то сильное, бодрящее, но знал, что не сможет найти этих особенных слов, отчего тихо наливался сердитостью. На себя, на обстоятельства, на свою сдержанность.

Да и высокие слова сами по себе не рождаются, не всегда их и память подсказывает. Тем более что раньше такими словами он вовсе не пользовался. Когда его поезд хвалили, не рассыпался обещаниями на будущее, сам немногословно отмечал лучших. А если случался в работе срыв, тоже сдержанно, хотя, бывало, и резко «говорил» с отстающими. Но тогда его сухощавое, грубовато вырубленное лицо становилось вроде бы крупнее, а весь накал злости и осуждения светился в глазах. И их выразительный взгляд долго не забывали виноватые. «У него в каждом зрачке по пуле сидит, — жаловался один из прорабов. — Ну и глаза! Без рук раздевают!..»

Вот это было верно: виноватый перед Лютовым чувствовал себя голым на льду. Но интересно другое: ни сухость, ни сдержанная резкость Лютова не отталкивали от него людей. Они шли к нему, зная, что правильнее мало кто скажет и мало кто сделает. Он был из тех, кто не размахивает руками у горящего дома, а первым хватает ведро с водой. Он был строг, но никого от себя не оттолкнул, когда обещал — делал, не забывая своего слова...

За тонкой стенкой проскрипели торопливые шаги, и в дверь вагончика протиснулся Бурьянов, одетый для работы — тепло и ладно. В богатыри Бурьянова никто бы не произвел. Бригадир был невысок ростом, в плечах неширок, но для своих сорока лет по-молодому подвижен и крепок. А в самом лице выражалась душевная лихость и отчаянное упрямство. Еще до принятия поезда, работая в производственном отделе управления строительством, Лютов успел познакомиться с Бурьяновым. И знал, что этот мужик в вожжу изматывает себя и других, но обещанное выполнит. Если, конечно, не обрушится небо.

Бурьянов у порога хлопнул рукавицами и, подойдя к Лютову, хитро и весело кивнул головой.

— Напутствовать нас пришел?

Лютов в упор посмотрел на бригадира и не сразу глухо ответил:

— Благословлять...

Отставив ногу, Бурьянов выудил из кармана пачку сигарет.

— Что ж... Приятно, когда начальство ближе стоит.

— Ты в няньках вроде бы не нуждаешься...

— Няньки не нужны, а внимание — дело другое. — Бурьянов раскурил сигарету, спросил: — Как на трассе, Захарыч?

— За час до смены они укладывали восьмой пикет сотого...

Бригадир опустил голову, изучая носки своих валенок, помолчал, прикидывая, вздохнул.

— Нам остается больше двух километров...

— Вытянешь?

— Надо б, да как смена пойдет. Пурга бы не разыгралась.

— Пурги не будет, — заметил Лютов. — Ветер низовой, мороз жмет...

— Уходя, я тоже на градусник посмотрел. Пока около тридцати держится, а ночью, жди, злей завернет... Да и ветер, черт, душу выдует...

Дверь резко открылась, белым валком покатился от порога холодный воздух, и в вагончик один за другим ввалились крупные парни: Корзинкин, Горихватко, Цитнадзе... Входили они с веселым разговором, смехом, но, увидев в тепляке начальника поезда, затихали.

Это были кадровые монтеры, ядро и цвет бригады Бурьянова. Первым, после бригадира, записали в нее Корзинкина — до красноты рыжего парня, приметного еще и по отпущенным до бороды бакенбардам. Шли они к хитровато-лукавому лицу Корзинкина, как корове седло. Но он видел такие у «модников», и уж не иметь того, что есть у другого, как и отставать от кого-то, было сверх природы Корзинкина. Он и на стройку дороги приехал раньше других. Скитался на разных работах, все ждал, когда начнется укладка, — самое главное из всех этапов

работы. И только начался разговор о бригаде монтеров, Корзинкин насел на кадровиков.

— Мое место на линии, — доказывал он. — Потому как я потомственный железнодорожник. Хотите знать, тут еще до войны двоюродный брат моего дядьки около рельс организм согревал. Как же мне в стороне от укладки оставаться? Притом у меня кредо имеется: уж если любить, то королеву!..

Лютов вспомнил недавний визит Корзинкина в контору: квартирой интересовался парень. Жениться надумал. Будто в подтверждение, из коридора невесту позвал — смугленькую толстушку с бантиками под шапкой. Штукатуром-маляром работает «королева»...

Лютов отошел к столу... Тесновато становилось в вагончике. Все заходили и заходили новые люди. В плотной одежде, чуть грузноватые в куртках и ватниках, кто обутый в унты, кто в валенках. Были совсем молодые, были и «старички» лет двадцати пяти — тридцати. Поругивали погоду, посмеивались под молчаливым взглядом начальства. Стоя в глубине вагончика, у окна, Лютов поглядывал на ребят, словно видел их впервые. Вон, рядом с Корзинкиным. Цитнадзе стоит... Высокий, тонкий в талии грузин. Не в пример Корзинкину молчалив и задумчив, с глазами, в черноте которых грусть прописалась. Поговаривали, будто солнечные свои края Цитнадзе покинул с глубокой сердечной раной.

В бригаду монтеров, всегда работающую под открытым небом, парня направляли с неохотой и осторожностью. Он почувствовал это, еще больше потемнел лицом.

— Нэ смотри, начальник, не смотри так... Мороз нэ страшно, мошка нэ страшно. Мы всо можем, когда надо... Всо!

Наверное, с такой решимостью и бросаются в ледяную воду, когда это необходимо, когда деваться некуда и отступать нельзя, когда один выход у человека — идти

только вперед. А это непросто. Все знают, как тяжело южанину его «всо» достается. Однако терпит, работает, и сам Бурьянов к нему «без претензий».

Неподалеку от грузина Горихватко сидит. Против Цитнадзе — копы конной. Плотен, длиннорук молодой хохол. На дороге он появился с отрядом земляков-харьковчан и с новенькими корочками удостоверения из училища. Как каменщика, определили его на строительство жилья. Он и не требовал другого, но однажды увидел путеукладчик. «Гарна машина! — оценил Горихватко, понаблюдав за работой укладчика. — Надо же! Целую лестницу из шпалы да рельсов берет, кладет и тут же катит по ней... Слон — не машина!»

Видно, все, что видел и знал Горихватко раньше, очерчивалось размерами села, знакомыми расстояниями, всем, с детства привычным. Теперь же, проехав через всю страну, впервые увидев неохватные взглядом шири и ощутив работу, которая под силу человеку лишь с такими машинами, он поразился необъятностью и мощностью свершающегося, да так и остался с изумлением на лице и в больших любопытных глазах.

После знакомства с укладкой кончилась спокойная жизнь Горихватки. Он уже не мог строить простые дома, зная, что совсем рядом такие же парни делают главное — ведут стальную дорогу, у которой, как казалось ему, нет ни конца и ни края.

По натуре Горихватко был добродушен и мягок. Над ним частенько подшучивали, он этому удивлялся с детской наивностью и, лишь когда допекали его, пошевеливал огромными кулачищами, спрашивал:

— К лекарке давно не ходыв?

В конце прошлой зимы в бригаду Бурьянова попал новый «кадр». После первой полочки он исчез и появился лишь на третий день, с расквашенной физицей и красными после пьянки глазами. На собрании прогульщик что-то мямлил про грипп, про знакомых, у которых отлеживал-

ся... Ребята слушали, ухмылялись, но тут поднялся Горихватко.

— Як же ему теперь не брехаты, хлопцы? — спросил он. — Ить так грыпшовав человек, так грыпшовав, что и нос рэпнув! — Оглядев всех по-детски чистыми глазами, Горихватко вывел свое резюме. — На трассу его брать нам никак не можно. У него же ноздря от ноздри поврозь, на ветру они враз змерзнут!

После такого выступления «кадру» отправили искать «теплое» место, а к увальню Горихватке стали относиться серьезней, хотя, как и раньше, ему снихивали всевозможные мелкие заботы и давали личные поручения, зная, что тот не откажется и сделает все как надо. Особенно незаменимым был хохол для бригадного комсорга Сотова. Да их, Горихватко, Корзинкина и Сотова, всегда видели вместе. И если где-то появлялся один, значит, ищи двух других. Вот и сейчас, едва Сотов вошел в вагончик, Корзинкин потеснил на скамье Горихватко, давая место другу, а сам заулыбался во весь рот.

— Во, братцы, что значит быть женатым! Приехала ненаглядная, и уже опаздывает товарищ!

— Жена — хорошо! — прицокнул Цитнадзе.

— А я разве говорю, что плохо? — с прищуром ухмыльнулся Корзинкин. — Плохо, если так долго отрывается человек...

Глянув на Лютова, Сотов незаметно толкнул Корзинкина в бок, сел рядом, смущенно краснея. Наверное, только настроение и обстоятельства заставили Лютова сдерживать улыбку. Он тоже знал, что этот рослый смуглолицый монтер двадцати трех лет от роду мог быстро смущаться и краснел, как девчонка.

Путь Сотова в монтеры был непрост. Уж очень поздно, по сравнению с другими, приехал он на стройку. Приехал не один, с полусотней брянских ребят и девчат, тоже мечтавших о тайге и жизни в палатках, о своей первой просеке в нехоженных дебрях. А поселили новичков

в общежитии, в центре поселка на две тысячи душ, вместо просеки досталось им строительство жилых домов и детского сада.

Сотову еще «смешней» выпала доля. На будущей станции долбил он в мерзлоте котлован под котельную. А от такой работенки до романтики больше, чем шаг. В котловане ее, по словам Корзинкина, ноль целых и хрен десятых имелось. Да, собственно, Корзинкин и сманил Сотова на укладку. Благо, что пошел разговор об усилении бригады.

Среди монтеров Сотов как-то незаметно стал своим среди своих, хотя ничем вроде бы не выделялся, именно его-то и избрали комсоргом. Сначала Лютов удивился. Он даже подумал, что парни поторопились, что при выборах сработал принцип «лишь бы не меня». Но вскоре все почувствовали, что в коллективе, кроме бригадирской руки, есть другая пружина. В сентябре, когда перебои с поставкой рельс угрожали графику укладки пути, по предложению комсомольцев бригада перестроилась на двухсменку. А позже по ее примеру на всех участках поезда началась вахта Корчагина.

В вагончик втиснулся и шофер с вахтовки. Крупный горластый мужик открыл было рот, собираясь поторопить бригаду, но, увидев начальника поезда, прикусил язык.

Лютов, глянув на шофера, нахмурился еще больше и с грустной усмешкой проговорил:

— С наступающим вас, товарищи!..

Бригада зашевелилась... Корзинкин шмыгнул носом, намереваясь что-то сказать, но Лютов остановил его взглядом.

— Только праздновать мы будем попозже... После того, как сделаем дело. Обстановка, сами знаете, сложная. Задача такова: кровь из носа, но завтра мы должны быть на сто третьем. Об этом вы тоже знаете...

Спиной к печке на корточках сидел пожилой монтер

в новой офицерской шапке. Затягиваясь дымом самокрутки, он негромко спросил:

— Сколько же нам остается?

— Две тысячи с гаком, — ответил Бурьянов.

Бригада молчала прикидывая. Корзинкин, глянув на листок «молнии», ухмыльнулся.

— Таких рывков еще не делал никто. На рекорд идем!

— погоди, погоди, молодой, — попытался осадить его пожилой монтер. — Вот по праздничуешь ночь с «целовальником» * — не ту песню затянешь... После такого рекорда не до жены станет.

— А мы с тобой петь будем... Гуртом!

Бурьянов вышел в самую середину и, расставив кривые ноги, зорко оглядел всех.

— Считаю, хлопцы, дело ясное... Праздник хорош, когда работа закончена и ничего на душу не давит. Не ради рекорда идем мы сегодня на трассу. Все ждут вывода пути на сто третий. Отступить некуда и дрейфить нам нечего. Да сами ж в конце концов рвали жилы ради права на эти вот километры.

— Дело, бригадир, не в том, хотим или не хотим, — хитровато усмехнувшись, оглядывая товарищей, негромко проговорил комсорг. — Сможем ли — вот в чем вопрос!

— Зачим ты так? — загорячился Цитнадзе. — Рыльса будыт, укладчик будыт — сделаем!

— Не торопись, парень, — опять подал голос пожилой монтер. — А если «вертушка» не доползет, машина сломается?..

— Никаких «если» не может быть, — резко проговорил Лютов. — За обеспечение спросите с меня!

Горихватко недоуменно пожал плечами, потом стукнул кулаком по коленке.

---

* «Целовальником» называют кусок рельса с приваренными ручками. Раскачивая, им ударяют по рельсам при стыковке звеньев.

— Да что это мы трепотню развели? Километры давать надо! От нашей говорильни они не вытянутся. — Он первым поднялся с места, шапкой доставая до потолка.

— Золотая голова у Гришухи, — оценил Корзинкин и стал рядом с другом. — Пошли проветримся, а то еще закиснут светлые твои мозги. — Он нашел взглядом шофера. — Опять под открытым небом покатым?

Не отвечая, мужик заторопился к двери, но Лютов остановил его:

— Если в первый рабочий день после праздника машина не будет оборудована будкой, пойдете кайлить землю. Понятно?

Шофер кивнул, сердито глянул на Корзинкина и вывалился за дверь.

Бригада рассаживалась в кузове машины с дырявым тентом. Неподалеку, загребая ногами снег, от крайних домов, в сторону поселка плелись два мужика в темных, замасленных спецовках. Поддерживая друг друга, они обреченно вытягивали «...а я такой, что-о за-аа тобою могу пойти-ии в любую да-аль».

Корзинкин, удобно устроившись за кабиной, махнул в сторону гуляк

— Видал? Кому праздник уже, а нам километры!

Горихватко потеснил друга, добродушно сказал:

— Радуйся, Степа! Им завтра маяться, а твоя голова як стеклиночка будет!

— В щитке электросварщика? — уточнил Корзинкин.

Шофер поддал газу, торопя бригадира. Тот поднялся на подножку кабины.

— Если неполадки какие, немедленно сообщай, — наказывал Бурьянову Лютов. — А я немного позже подъеду. Поговорю с Самим и к вам...

— Понял. — Обеими руками Бурьянов плотнее надвинул шапку. — Ветерок все сильнее жмет, черт его подери...

Низовик, словно пробуя силы, дул неровно, с передышками, но с каждым порывом налетал сильнее, резче, леденя щеки и выжимая из глаз слезу.

Укрывая лицо воротником полушубка, Лютов стоял у вагончика, провожая машину взглядом. Грузовик пересек маревую низину, разделенную дамбой-дорогой, подходящей к сопкам с другой ее стороны. Туда же уходила и железная дорога. Здесь у поселка она казалась бесконечной, но за перевалом Янкан, в двадцати километрах к северу, рельсы кончались. К тому месту и уезжала бригада.

Густой лес принял и скрыл грузовик. Подталкиваемый ветром, Лютов направился к центру поселка, где располагалось управление поезда.

Шел он тихо и мрачно. Может, хмурое его настроение шло от усталости и нервотрепки последних дней. Ко всему еще утром, работая на трассе, он понял, что заболевает гриппом. Его большое тело то наполнялось липким теплом, то вздрагивало от озноба. «Завалиться б сейчас в постель!» — утомленно мечтал Лютов, но улица выводила к небольшой площадке перед одноэтажным и длинным зданием с доской показателей у крыльца.

Это была контора управления поезда, но Лютов недолюбливал ее из-за постоянной суматохи и толкотни. Там всегда что-то просили, требовали и чаще всего шли к нему. «Дайте» — и начинали перечислять все, что просили: бульдозеры, вагончики, арматуру, строевой лес, кровати.

Странное получалось дело: в управлении, где предполагалась творческая деятельность руководителя, с ее раздумьями, прикидкой лучших решений, большая часть времени уходила на пустословие. И даже вечером не всегда удавалось побыть одному и спокойно подумать.

Уже открывая дверь в управление, Лютов услышал очередной заход... «а я такой, что за-ааа...» Чертыхнув-

шись, он переступил порог и вошел в небольшое фойе. От него на два крыла расходился узкий и всегда полутемный коридор. И сейчас Лютов не сразу разглядел сидящих у батареи отопления мужиков в железнодорожной форме. Только присмотревшись, он узнал бригаду тепловоза из отдела временной эксплуатации дороги.

— Вы почему здесь? — удивился он.

— Да вот, Павел Захарович, — поднимаясь, ответил машинист — высокий, пожилой, с заросшим лицом. — Командировка наша окончилась, а сказали, что еще надо тут быть...

— Надо.

— Это-то ладно, мы не против, да прожились малость. Хотели в вашей конторе деньжат перехватить. Хотя б для поддержки штанов, понимаешь? Но пришли, а тут уже никого. Вот теперь сидим, маракуем...

— Празднуют, — кратко объяснил Лютов. Распахнув полушубок, он выудил из кармана пиджака толстый истрепанный блокнот в дерматиновом переплете. Он заменил ему и папку для деловых бумаг, и кошелек.

— По десятке хватит?

— С лишком, Захарыч... Спасибо, — приняв деньги, проговорил машинист. — Теперь прохарчуемся... Оно, может, завтра-послезавтра домой отпустят, на БАМ.

— Как дела на станции?

— Да вот, разгрузили новую мехколонну, собрали порожняк в состав. Может, к ночи отправимся?

— Скорее всего, что нет... Держите, мужики, тепловоз наготове, чтобы в любую минуту он мог выйти со станции. За порожняком из-под звеньев, может «вертушку» толкнуть к укладке.

— Не беспокойся, Захарыч. Машина всегда на ходу. До свидания!

По темному коридору Лютов прошел в свой угол, как он называл кабинет в два окна. Одно из них выходило на улицу и глядело на клуб, стоящий почти напротив

конторы, а второе — на трубу котельной с ржавыми растяжками.

В кабинете Лютов включил настольную лампу, стащил с головы шапку, положил ее на подоконник, постоял в задумчивости, но так и не раздевшись, присел к столу. Сняв трубку телефона, он попросил дежурную соединить его с Бамом.

— У нас нет с ними связи, Павел Захарович, — ответила телефонистка. — С тринадцати часов нет.

— А с Тындой?

— С Тындой связь есть, но линия пока занята.

Вздыхнув, он положил трубку на аппарат, сел поудобнее и с облегчением вытянул ноги. Он надеялся, что хоть сейчас ему удастся побыть одному, посидеть в спокойствии, не думая ни о чем. Но в темном проеме двери замаячила чья-то фигура, и, приглядевшись, Лютов узнал корреспондента.

Несколько секунд Лютов молча смотрел на вошедшего, вяло спросил:

— Вас не взяли на вертолет?

— Да нет, — усмехнулся корреспондент. — Домой к празднику мне уже не успеть, а ваш выход к сто третьему стоит очерков и репортажей во всех газетах. Если, конечно, он состоится... По этому поводу у меня есть к вам несколько вопросов.

Корреспондент направился к столу, намереваясь поговорить с начальником поезда, которого еще не удавалось застать вот так, одного.

— Подождите, — остановил его Лютов и, придвинув к себе лист бумаги, начал что-то писать. Не отрываясь, спросил: — Вы еще не ужинали?

— Н-нет...

— Я так и думал... Столовая только что открылась. Идите на ужин и вот эту записку передайте заведующей.

Корреспондент взял бумажку, прочитал: «Ольга Федоровна! Очень прошу Вас организовать завтра (часам

к 12) хороший обед на всю бригаду монтеров. Они ведут укладку! Сейчас, сегодня и завтра. Понимаете? Лютов».

— Это самое полезное, что мы можем сделать пока, — проговорил Лютов. — А разговор давайте отложим... Не обессудьте, но не могу и не хочу...

Еще надеясь на что-то, корреспондент постоял, выжидая и глядя на устало-угрюмое, темное за кругом света лицо начальника, и направился к выходу. Лютов слышал его мягкие шаги и, когда проскрипела входная дверь, опустил голову на сжатые кулаки.

Ее наполняла тугая и весомая тяжесть, мысли тянулись медленно, вразнобой. Выбивались отдельные воспоминания о главном на сегодня — о людях на трассе, рельсах, укладке и километрах, — то вспомнилась виденная днем у дороги береза. Ее ударили ножом бульдозера. Рваная рана обнажала бледно-желтую сердцевину ствола, вызывая глухую боль и стыд перед беззащитным деревом. Кто же ударил березу? Зачем? Не мог ли объехать, осторожнее развернуть бездушную машину сидящий за ее рычагами человек, наверное, злой и холодный?

«Создавая большое, значительное, люди непременно теряют в малом...» Кто-то из управленцев породил этот оправдательный афоризм. Но тут же вспомнилось бородастое, с глубокими морщинами лицо старого охотника, в зимовьюшке которого Лютову пришлось заночевать. «Ты, паря, строй свою магистраль, веди дорогу, — стругая на растопку лучинки, густым голосом, со сдержанной обидой говорил тот старик. — Но будь ты сердечнее, головы не теряй, глазами под ноги смотри. Не засекай, береги живое... Тайга у нас велика, да не бесконечна. Валить ее легко, а поднимать-то будет трудно. И некому. Разъедетесь все по другим местам...»

Лютов рос на небольшой станции, окруженной дальневосточной тайгой. Она кормила и согревала людей, и с той детской поры лес представлялся ему добрым живым существом, ничего не жалевшим для человека. Бережное

отношение к нему было в крови всех живущих на том полуостанке. И взрослого Лютова печалили страдания леса. С особенной болью смотрел он на пепелища таежных пожаров. Ведь пожары возникали по небрежности или иному умыслу человека... Его угнетали подточенные водой берега с упавшими в воду деревьями. Поверженные великаны казались ему ратниками, долго и упорно бившимися с недругами — ветрами, грозами, — но павшими от предательства. Вода их поила, она ж и убила их. И, сожалея о содеянном, омывает их ветки, глухо журчит, расчесывая зеленые кудри.

Но и буйствуя, природа умеет сохранять равновесие. Если в ее законы не вмешивается человеческая жестокость. Она особенно страшна, обидна, когда ничем не оправдана, не нужна. Лютов понимал, что лес валить нужно, и по его же приказам через тайгу прорубали широкие полосы просек. Но его бесила излишняя размахистость, бездумное отношение к делу, бессердечие рядом с живым. Наикрепчайшими словами «говорил» он с одним из прорабов, решившим вырубить все деревья и даже кустарник здесь, на Янканском косогоре, на месте будущего поселка. Но один ли такой прораб?.. А каждому не отдашь своего сердца. Людей вокруг тысячи, среди них каких только нет. Есть и такие вот, которые могут поранить никому не мешающую березу.

Ветер раскачивал наружную форточку, но, чтобы прикрыть ее, нужно было подняться, а Лютову и шевелиться-то не хотелось.

Быть может, это был тот необходимый для человека час, когда можно оглянуться назад, на пройденное: что им сделано, а что сделано, но не так... Может, от этого и было Лютову горьковато, грустно и одиноко. Да, рядом, за стеной, жил поселок, светились окна домов, но бывает же так, что и среди множества людей вдруг почувствует человек свое одиночество. И на веселой пирушке, бывает, грустят.

А тут не было ни пирушки, ни компании. Даже самого близкого среди всех человека — главного инженера поезда — рядом нет. Вторую неделю он в Тынде, лежит с воспалением легких... Да и какая к черту пирушка, когда точит душу забота о выходе на сто третий, а за окном ветер и ночь, и в ее темноте, за мудро молчащими сопками, в холодном свете прожекторных лучей работают его люди. Он-то знает, как яростно они могут вкалывать! Но отчего же грустно, почему в душе обида? Оттого, что никому — со стороны — до его людей нет дела? Или... Да и сам он со всеми переживаниями кому нужен и интересен?

С закрытыми глазами прошлое представляется лучше... Не торопясь, Лютов перебрал в памяти лица однокашников по институту. О многих он ничего и не знает. Сам уж два года сидит на БАМе безвыездно. И ребят разбросало по стройкам. Некоторые крепко осели в городах. Больших и малых... Наверное, в эти часы толкаются по магазинам, ворчат на многолюдье, перезваниваются, уточняя, кто у кого собирается, кто с кем придет.

Что ж... Все правильно. Праздник должен быть праздником. Но вот горчит оттого, что в хлопотах о близком там, на освещенных, празднично-беззаботных улицах, вряд ли кто вспомнит про Пашку Лютова. Хотя и расстались не так уж давно. Пять лет прошло после последних экзаменов... Последних ли? А вот уж не пишут, да и он не «рисует». Откуда же другим про его жизнь, про его экзамены знать?.. Вот и не сможет далекий друг представить его одиноким в такой-то час, в пустом кабинетике в неизвестном поселке, среди тайги, у дороги, пока не открытой, не сделанной. Даже не у всей дороги, а лишь у небольшого участка.

Подняв голову, Лютов отрешенно уставился на тускло освещенную схему местности, известной до мельчайших подробностей. Вон разрезает леса и горы знаменитая Транссибирская магистраль. И вот точка, где от нее под-

нимается к северу тонкая красная ниточка. Узелками на ней кружочки с названиями станций, разъездов. Штурм, Муртыгит, Силип, Ансовская... Но еще дальше тянется красная линия, в сторону станции Беленькой. Пересекает квадраты на схеме. Девяностый километр, девяносто пятый, восьмой... Сегодня утром она упиралась в девяносто девятый. Теперь ее можно продолжить до сотого. Но впереди — до границы участка — еще два километра. Пока они обозначены только пунктиром. И кто бы знал, как важно, как нужно закрыть пунктиры красной чертой и довести ее до отметки «103».

А может, оно и лучше, что не знают другие, не представляют его положения? Сочувствие и злорадство — соседи близкие...

Лютов откинулся к спинке стула, вздохнул, прикрывая глаза. Ч-черт, вот еще... Представилась стопка таблеток, которые предстоит глотать, и холодок подушки, до которой ему, как до сто третьего. Но вот память приблизила лицо сынишки. «Чем занимаешься, человек? — спросив, он глянул на часы, грустно качнул головой. — По-владивостокскому времени детям пора быть в постели... Да, завтра же праздник, у нее будут гости, и, наверное, она отправила его к своей маме. Она же никогда не говорила «к бабушке»... Эх, конопушка, рос бы ты поскорей...».

Тут же ярко всплеснула дерзкая мысль: «Завалиться бы сейчас в их приморскую золотую осень, в компанию ее «милых» приятелей. Да вот так, в унтах, в полушубке!..» Но, помрачнев, Лютов остановил себя: «К черту! Этим их не удивить»...

Неуверенные шаги в коридоре насторожили Лютова. Через полумрак кабинета он увидел девушку в легкой нейлоновой куртке, в рыжей шапке с висячими длинными ушами, в сапожках.

Девушка не переступила порога, тихо поздоровалась, спросила:

— Не скажете, где найти... Лютова? Павла Захаровича?..

— И больше никого? — Вопрос сорвался неожиданно и резко. Девушка замолчала, не зная, можно ли говорить с этим молодым и сердитым мужчиной, может, случайно оказавшимся в пустом кабинете, за чужим столом. Но от сказанных слов смутился и Лютов. — Что вы хотели? — уже помягче спросил он.

— Я приехала сюда на работу... А ночевать негде...

— Вы проходите. Через порог не разговаривают.

Девушка шагнула в кабинет, но остановилась у ряда стульев, выстроенных вдоль стены. Теперь Лютов видел ее лицо и большие темные глаза, смотрящие с усталостью и тревогой.

— Когда вы приехали и на чем? — поинтересовался он.

— Совсем недавно... На попутной, от Бама.

— Вам уже повезло, — удивился Лютов. Он сразу вспомнил о корреспонденте, который, ожидая попутку, два часа мерз у автодороги. — И где бы вы хотели у нас работать? Что вы можете?

— Вообще-то я парикмахер, — начала девушка, но замолчала, увидев резкое удивление в серых больших глазах начальника.

— Та-ак, — растерянно проговорил Лютов. — Честно говоря, только парикмахера мне и не доставало. Но мы же дорогу делаем...

— Да нет, вы не думайте, что я приехала делать прически. Я ведь мужской мастер, специальные курсы кончала. А здесь я готова на любую работу, я выучусь... Только обратно не поеду. Обратно ехать у меня и денег-то нет...

Неожиданно вспомнив Корзинкина с его дикими бакенбардами, чубы монтеров, не влезавшие под шапки, Лютов негромко проговорил:

— Между прочим, красивые прически нашим строителям тоже нужны...

Теперь, присмотревшись, он увидел у небольшого рта девушки складку горести, а в глазах скрытую печаль. И, расстроившись, незаметно вздохнул, подумав о том, что опять работа сталкивает его с чужой судьбой и от его решения многое зависит в жизни человека, так вот, случайно встреченного. Но не мог не знать он и положения с кадрами, с жильем людей его поезда.

— Приехали вы, конечно, без путевки и без вызова управления строительством? — нахмурясь, спросил он.

— Я ходила в горком комсомола, — негромко ответила девушка. — Там сказали, что из нашей области отряд отправят позднее...

— А родители как? Они отпустили?

Вскинув голову, девушка удивленно и насмешливо посмотрела на начальника.

— Я уже третий год живу самостоятельно...

— Понятно. — Черкнув на листе несколько слов, Лютов поднялся из-за стола. — Эту записку отдадите комендантше общежития. Оно тут недалеко, по дорожке вправо от клуба. Думаю, там вас устроят. Ну а что делать дальше, решим после праздника... Сейчас-то есть на что жить?

Девушка взяла листок, улыбнулась.

— Спасибо... Пока проживу, товарищ... Лютый. Это же вы?

— Ну вот... Я вам добро, а вы меня — лютым...

Совсем смутившись, девушка отошла к двери, но у порога обернулась и сказала негромко:

— Желаю вам хорошо встретить праздник!

Когда хлопнула входная дверь, Лютов, все еще стоя у стола, с горьким вздохом доставая папиросу, проговорил вслух:

— Спасибо, праздник я уж встречаю...

Резкий, по-хозяйски требовательный звонок врезался

в тишину кабинета. «Дождался, — снимая трубку, хмуро подумал Лютов. — Наверняка Сам звонит...»

— Чего молчишь? — со знакомой хрипотцой спросил начальник управления строительством. — Говори, как дела...

— Идут.

— Я знаю, что не лежат. — В голосе Самого пробилося раздражение. — А как идут?

— Перед сменой укладывали восьмой пикет сотого километра. Бурьянову остается два с лишним. Будут работать всю ночь, до выхода на сто третий.

— Это другое дело. — Голос начальника помягчел. — А то что-то сиротское я в тебе почувствовал.

— Из Москвы есть что-нибудь?

— Ты сейчас не за Москву, за себя думай. За километры свои. За них нам пиджаки заворачивать будут. Не забывай, маневр сотни тыщ стоит. А это такая петелька, что в нее не только наши шеи войдут. И если петля затянется, сам знаешь...

— Думаю, обойдется...

— Надейся, Лютов, надейся! — Сам вздохнул, помолчав. — Две тысячи сто метров, говоришь?.. Многовато осталось. Да, как с поставкой пакетов? Я пробовал дозвониться до комплектровки, но...

— С Бамом пока нет связи.

— Вот-вот, всегда так. Наша связь день молчит, день совсем не говорит.

— Со звеньями остается одна «вертушка». Я думаю проехать вдоль линии, посмотреть, где застряла другая. Заодно проскочу и на сборку...

— Тогда не тyani. Если комплектровка остановится, всему делу будет петля.

— Понятно.

— Вот и молодец... Празднуй, Лютов! Да держи меня в курсе. Звони в любой час...

Раскурив наконец папиросу, Лютов тут же позвонил

в гараж. Не дожидаясь, когда подойдет машина, он вышел на улицу, на тугой, напористый ветер.

Зимний вечер холодной темнотой скрыл дома поселка, раскиданные по косогору на самой высокой точке перевала Янкан. Круто загустев, темнота приблизила к земле крупные озябшие звезды. Но ни холод, ни поздний час не могли остановить жизнь поселка. На окраине монотонно постукивал дизель электростанции. За стенами клуба слышалась музыка, светились замерзшие окна домов и общежитий. В одном из общежитий устроилась новая жительница поселка — молоденькая парикмахерша. После нескольких суток дороги в неизвестное она впервые будет спать спокойно. Теперь пусть трещит за стеной мороз, постанывают рядом деревья и ветер швыряет снег в окна. Главное, она среди своих людей, принята ими. И новая жизнь у нее будет, как и весна, с другими вечерами, и лето со своими рассветами. И этот вечер, с его сомнениями и тревогой, уйдет в прошлое, заглохнет под грузом пережитого.

Жизнь всегда обновляет человека и его окружение. Мало один раз родиться, необходимо каждый день перерождаться вновь, идя все выше, к лучшему, к совершенному. Эти выводы были выстраданы Лютовым. Вот выдался же день и вечер, в которые он тоже что-то открыл для себя. Он упрямо нагнул голову и замшей перчатки потер скулу с наветренной стороны. С ним это случалось часто в минуты скрытого недовольства от признания своих промашек.

Ослепив его, из проулка вывернула машина. Прикрывая глаза, Лютов отступил к краю дороги, но машина резко затормозила. Он узнал голубой «рафик» управления. Дверца машины открылась, и Лютов услышал веселый голос шофера Гафурова:

— Прошу, Пал Захарыч! Карета подана!

Забравшись на сиденье рядом с шофером, Лютов захлопнул дверцу, отгораживаясь от непогоды, спросил:

— Как у тебя с горючим?

— Под завязку, — оживленно откликнулся Гафуров. — Далеко ехать будем?

— Прокатимся до Бама и обратно.

Присвистнув, Гафуров сбил на затылок шапку, почесал лоб.

— Ого... Туда-сюда — почти двести кэмэ. Назад явемся уже утречком...

— К праздничным пирогам успеешь, — утешил Лютов шофера. — А сейчас давай-ка в другую сторону, на укладку.

— Приказ начальника — закон для подчиненного... Раз уж так повезло, можно и на укладку. Терять-то нам нечего.

— Не стони, Гафуров, не стони.

Гафуров развернул машину на кособокой укатанной улице и осторожно вывел ее на дорогу из поселка.

С Гафуровым Лютов ездил еще и до приема поезда. А переехав в поселок, и его перетащил за собой. Он привык к бесхитростному, чуточку простоватому парню из Татарии, с худощавым подвижным лицом и курчавым чубом, напоминающим одного популярного у молодежи певца. Они без слов понимали друг друга. Когда надо было, не обидно молчали, а говорили чаще по делу или о том, отчего, по словам Гафурова, «щикотно» в жизни. Может, на их отношениях сказывалась небольшая разница в годах, а может, и то, что в свои двадцать шесть лет парень из пригорода Казани успел помотаться по свету и в преодолении трудностей набраться житейской мудрости.

Но в длинной дороге настроение меняется, как пейзаж за ветровым стеклом. Да и молчать слишком долго Гафуров не мог и точно знал, как незаметно втянуть в разговор Лютова. Вот и теперь, проехав дамбу и несколько поворотов между сопками, у выхода из выемки он повернулся к начальнику.

— Не слышал, Пал Захарыч, какая хохма тут вчера получилась?

— Ну?!

— Подготовили наши хлопущники взрыв. На выброс, из выемки. Как положено, остановили движение. Шоферня по кабинам собралась, треп разводит... Ну, скоро и ахнуло! Да так здорово, говорят, получилось, что у лесовоза, который ближе других стоял, прицеп подпрыгнул, как пушка после выстрела, дернулся, а на землю вернулся без пары колес... Улетел скат!

— За такие хохмы головы сносить полагается! — заметил Лютов.

— И как это у них так получилось, черт его знает!.. То ли на мешках со взрывчаткой обсчитались, то ли волна не туда пошла. Факт, что прицеп теперь под кустами валяется. А колеса за полсотню шагов унесло...

Круто сворачивая, дорога спустилась в узкое, но глубокое урочище с переброшенным через него мостом и вывела машину на широкую марь с едва приметной насыпью. Совсем рядом потянулись рельсы, и скоро в темени показалась кучка огней. Они приближались, и Лютов начал различать лампочки над укладчиком, фары тепловоза, стоящего в конце состава со звеньями. На насыпь, где еще не было рельсов, ложился плотный свет прожектора, в луче которого двигались люди.

— Упираются ёрики! — посочувствовал Гафуров, останавливая машину рядом с укладчиком.

Выйдя к полотну, первым среди работающих Лютов узнал Бурьянова. Залитый белым сиянием, бригадир стоял в центре луча с поднятой рукой. Перед ним раскачивалось, медленно опускаясь, изогнутое от собственной тяжести звено. Чуть помахивая рукавицей, Бурьянов сигнализировал оператору на лебедке и, уловив момент, рывкнул:

— Майна!

Звено грохнулось на насыпь, и сразу к нему подсту-

пили монтеры с такими же, как у Бурьянова, белыми салфетками из куржака, покрывшего отвороты одежды, осевшего на шапках и бородах. Укрывая лица от ветра, люди крепили рельсы.

Лютов шагнул на насыпь, перекрывая шум моторов, спросил:

— Как дела, Бурьянов?

— Со скрипом! — Сбросив рукавицу, бригадир торопливо полез в карман за сигаретами. — Но идем! Видишь, на третьем пикете сто первого. — Он сунул лицо в ладони, прикурил. — С укладчиком плохо, Захарыч. Едва-едва ползает...

— Мерзнет?

— Мерзнет, подлюка. Смазка застыла, видать.

Из темноты, в которую уходило полотно, их ударило светом, послышался рокот тяжелого дизеля. Приглядевшись, Лютов заметил вылетающие из выхлопной трубы искорки, спросил:

— Что у тебя тарахтит там?

— А-а, бульдозер держу! Полотно рыхлит и равняет. Да и так, на случай тяги может сгодиться...

— Солярка есть?

— Есть...

— Делай факелы, грейте укладчику буксы, все точки сцеплений. Хоть докрасна грейте, но двигайтесь!

— Понятно... Как со звеньями? У нас остается часа на полтора-два...

— Будут рельсы, Бурьянов, будут... Я сейчас на Бам, по линии еду. Застряла где-то «вертушка»...

— Эксплуатационники, стервы...

— Ничего, успеем подогнуть, — перебив бригадира, проговорил Лютов. — А ты хоть поочередно в свою теплушку ребят отпускай. Не поморозились бы...

— Пор-рядок будет... Газуй, Пал Захарыч!

Бурьянов пошевелил белыми, мохнатыми от инея бровями, улыбнулся и шагнул в сторону укладчика.

Гафуров заранее развернул машину... Укрываясь за ней, он разговаривал с высоким мужиком в шубе и валенках. Из рук обоих ветер вырывал искорки от папирос, чертил ими темноту и тут же гасил. Только подойдя вплотную, Лютов узнал своего соседа по квартире — старика Егорова.

— Так это твоя «танка» тут вертится?

— Моя, Захарыч, — простуженно прогудел старик. — Планировку полотна кой-где делаю... Вернее, пытаюсь. То скрябану, а то и поглажу. Мерзло!

— Много еще?

— Дак я и не тороплюся. Впереди укладчика и пойду. Когда на этом участке грузовики ходили, они укатали верх так, что стоять невозможно. А ребятам-монтерам еще ж упираться нужно, звенья толкать. Вот и просили они, чтобы накат этот я поковырял, чтоб им упора была...

— Ладно, старина, помогай. Только, знаешь, у Прокопьевны пироги перепреют...

— Э-э, беда — пироги. Пропасть не дадим!

Старик махнул рукой, и прямой, высокий, зашагал к бульдозеру, тарахтевшему шагах в двадцати на полотне. Гафуров с Лютовым забрались в «рафик», удивительно теплый после мороза и ветра.

— Теперь к Баму газуй, Казань!

Машина резко тронулась с места. Выруливая к трассе, Гафуров проговорил, крутнув головой:

— Да-а... Этот прожектор, ребята в инее всю жизнь помниться будут.

— БАМ впереди, еще насмотришься.

— Не-ет, Пал Захарыч... Первое всегда глубже запоминается. — Думая о своем, Гафуров добавил: — Какой же длинной покажется эта ночь...

Подняв брови, Лютов посмотрел на шофера, вздохнул, но ничего не сказал, затягиваясь дымом папиросы.

Молчали они долго. Лишь когда проскочили через

притихшие улицы поселка, Гафуров тоном разбитного экскурсовода проговорил:

— Впереди, товарищи, у нас станция Муртыгит... До нее сорок километров от Янкана и столько же от Транссибирской магистрали. — Тут же, что-то вспомнив, он повернулся к Лютову. — Да, я недавно только узнал, почему наша станция Аносовской названа. Оказывается, больше ста лет назад в этих местах побывал горный инженер Аносов. Он первым открыл здесь золотишко. Еще где-то по Селемдже, Джалинде... — Гафуров говорил об Аносове с удовольствием, как о близком заслуженном родственнике. — Это ж только подумать, Пал Захарыч... У нас за спиной весь Союз. Техники разной навалом. Вертолеты у нас, вездеходы, «Ураганы», машины на гусеничном ходу. И народу тысячи, а смотри, как достаются километры да выемки. Как же тогда тут было? Вот пишут про нас, что идем мы по глухомани, через нехоженные места... Насчет глухомани согласен, но еще сто лет назад с десятком мужичков да с вьючными лошадами проходил здесь русский человек. — Гафуров замолчал, проезжая поворот. — Нет, а хорошо, что про таких помнят. Скажем, подходит к станции поезд. Пассажир читает название — «Аносовская». И ведь задумается человек, почему дано такое название, узнать все захочет. Нужно бы на таких станциях устанавливать мраморные доски с объяснением. Чтоб сразу было понятно, чем заслужил человек такую честь, когда и что для людей сделал. — Гафуров покосился на неподвижного Лютова, улыбнулся. — А представляешь, Пал Захарыч, такую картинку: подходит опять же к станции поезд. Хлопает пассажир глазами, читает название — «Гафуровка». Вот веселуха была б — на всю Казань! Гафуровка, а?

Лютов разжал сухие губы, заметил:

— Звучит романтично, но как-то по-деревенски.

— Исторического факта не произойдет. — Гафуров огорченно вздохнул. — По причине непроявленного ге-

ройства. Да и шоферской братии тут столько, что километровых столбов для фамилий не хватит. А такому несчастному, вроде меня, и столба персонального не отломится.

— Что же так? Вроде бы не сидишь сложа руки?

— Конечно. Вожу начальство. — Парень нахмурился, и лицо его приняло по-детски обиженное выражение. — Нет, Павел Захарович, как бы там ни было, а эту финтифлюшку я непременно на КрАЗ сменяю.

Лютов достал папиросы, закурил.

— Название зарабатывать будешь?

— Какое?

— Ну, какое?.. Гафуровку!

Гафуров не ответил. Дорога шла с перевалами вниз. На поворотах лучи фар то упирались в голые, заснеженные склоны гор, то рассеивались, теряясь в зарослях ерника. Порой казалось, что все, дороге конец, но кончался поворот, и опять впереди тянулся коридор среди леса, с белым накатанным настом.

Привалясь к спинке сиденья, Лютов плотнее запахнул полушубок: его знобило. Но думал он не о хвори. Позади, за сопками, вершилось то, ради чего собрались в этом краю тысячи людей, созданы десятки строительно-монтажных поездов, механизированных колонн, мостоотрядов, подразделений взрывников, мастерские, урсы, отделы бытового и культурного назначения. Перед каждым из них поставлены свои задачи, но даже само их существование стало возможным ради одного — строительства железной дороги. А последний, главный показатель его — укладка пути, километры с открытым движением рабочих поездов. И чем больше таких километров, тем выше оценка работы всего Бамстройпути. Если же их нет, дело всех подразделений теряет половину значения.

Дорога, дорога... Как легко по тебе побегут поезда и как трудно ты сейчас поддаешься. Правильно Гафуров заметил. Снабжение по высшей категории. Техники мощ-

ной вдоволь. Народу пока хватает. И все кажется просто. Прошли изыскатели, наметили трассу, составили проект, утвердили его. Гони теперь сюда технику, ставь людей. Пусть одни строят жилье, рубят просеку, другие отсыпают полотно, пробивают выемки и перебрасывают мосты. А за этим остается последний этап — укладка рельсов, километры...

Да, было б вот так все. По полочкам! А тут что ни шаг то гора, то пропасть, то прорва бездонная, такая, о какой раньше и думать не мог. Упирается строитель в каменистые осыпи, скалистые берега рек и речушек. Тут тебе и огромные мари с вечной мерзлотой, с ледяными озерами под тонким покровом из кочек и мхов. Сдери их, потревожь и образуется на мари бездонная топь. А топких мест в тайге и без того хватает. И через них люди прокладывают автодороги, такие, по которым можно пускать мощные машины с пролетами и бетонными опорами мостов, металлическими фермами, тяжелыми механизмами. Тут приходится проходить прижимы над реками, выемками, разрезать сопки. А в их сердцевине камень и мерзлота. За века они так спаялись между собой, что не сразу поддаются даже бешеной силе взрывчатки.

И ради движения вперед иногда приходится искать выход из труднейших положений, принимать решения, казалось бы, самые невероятные.

Очень сложным для работы выдался октябрь. В начале месяца железнодорожный путь миновал станцию Аносовскую и поселок. Рельсы уже тянулись к отметке «девьяносто». Но дальше к северу, на девьяносто первом километре еще гремели взрывы и ворочались экскаваторы. Там пробивали выемку, одну из длиннейших на трассе. А на девьяносто шестом и девьяносто седьмом километрах только поднимались опоры мостов. Их завершение требовало не меньше двух месяцев.

Беспокоили сроки стройки. А в них была сама честь всего Бамстройпути и каждого строителя в отдельности.

Все же обещали к концу года уложить рельсы до станции Беленькой — до сто тридцать второго километра, — а к празднику 30-летия Победы привести в Тынду первый грузовой поезд. Это было нужно, как живому кислород. Уже забрасывались десанты по всем направлениям Большого БАМа. Строились Кувукта, Могот, Нагорный... Комсомольские отряды рубили просеку в западном направлении. На восток вытягивалась крепкая автодорога. Там гудели буровые станки, воздух сотрясали мощные взрывы. Над стремительным Гилюем поднимался двухсотметровый мост... Тысячи и тысячи тонн груза требовал БАМ. Не поступят они — затихнут работы, замрет стройка на многих участках. А даже на задержку ее им никто не давал права.

Но без мостов и без выемки рельсы не протянуть.. И обидно было вдвойне, что дальше, на участке соседей, от сто третьего километра тянулось готовое полотно со всеми мостами и трубами. Но как пробраться туда, до сто третьего? По воздуху укладчик не перебросишь... Начать боковой завоз рельсов по автодороге? Но какими машинами возить 25-метровые звенья? Да и дороги, способной выдержать такую нагрузку на этом участке, нет. Она здесь по плану не предусматривалась, и ее тоже нужно построить...

В те дни Сам несколько раз бывал на участке поезда Лютова. Ездил к мостам, к выемке, костерил бетонщиков и механизаторов, хотя те были и не виноваты. Сама ж природа вставала против людей. Десятиметровой глубины котлованы под опоры заливало выпиравшей из грунта водой, бетон застывал на морозе. А его полагалось класть теплым, полагалось, чтоб он в тепле и схватывался. И что могли сделать механизаторы в выемке, когда перед природой аммонал был бессилён. Пробурят мерзлоту взрывники, зарядят, взорвут. Взлетит порода с камнями да опять на то ж место и шлепнется. Вроде бы взорвана, можно ковшом экскаватора брать. Но это лишь «вроде

бы». Негабаритами отвечала земля на взрывы, к тому же все из ее нутра выброшенное тут же смерзлось на-мертво.

Начальник управления строительством положение знал, все видел и понимал причины задержки. Но от этого делу легче не становилось. В кабинете Лютова Сам все чаще посматривал на схему с тонко обозначенной линией старой дороги, которую строили здесь еще до войны. За тридцать пять лет плотно заросло кустарником и деревьями, местами разрушилось. Его и под автодорогу использовали не везде. Что еще можно было бы взять от старья?

Но Сам что-то прикидывал и в очередной наезд вместе с Лютовым решил проехать по выбранному участку старого полотна. Туда ехали молча, наблюдая, как ползет по чаще их вездеход. Там, где насыпь была покрепче, машина шла нормально, а то вдруг колеса проваливались в податливую мягкость пlyingунов, буксовали. Кочковатая марь с мелкоколесьем широко раскидывалась по обеим сторонам старого полотна и постепенно подводила к сопкам, на склонах которых пролежала трасса новой дороги.

После осмотра местности Лютов незаметно для себя стал употреблять выражение «обходной маневр». Его он услышал от Самого. Стоя на крыле вездехода, начальник управления чертил пальцем по пыльному брезенту, объясняя, как обойти им мосты и выемки. Для этого люди Лютова должны расчистить, укрепить старое полотно и соединить его со сто третьим километром; минуя выемку, спуститься рельсами в маревый распадок и выйти на старую насыпь; в обход мостов и выемки уложить четырнадцать километров пути, а после завершения работы на мостах и в выемке демонтировать весь участок и перевезти звенья на проектную трассу.

По собственному опыту Лютов знал, что без поправок и изменений почти ни одно строительство не обходилось.

Но предложение Самого вначале показалось ему невероятным. Четырнадцать километров обхода — это очень много. Но другого выхода не было. Стоять в ожидании мостов и занимать людей второстепенной работой они не имели права. Но согласятся ли с предложением Самого другие?

На второй день о маневре шел разговор в районном комитете партии. Принципиальных возражений против него не было, но требовалось решение технического совета управления строительством.

Лютов, приглашенный на заседание вместе с другими начальниками подразделений, сидел в дальнем углу, исподволь наблюдая за членами техсовета. Когда Сам закончил выступление, один из инженеров проговорил, пожимая плечами:

— Насколько мне известно, товарищи, у нас есть проект дороги. Он утвержден в инстанциях и является законом. А это предложение, простите, воспринимается как авантюра.

Кто-то поинтересовался стоимостью обхода.

— По предварительным расчетам, сотни тысяч, — резко ответил начальник управления, раздраженный нерешительностью своих помощников. И, видно, желая уколоть их, добавил: — В старом исчислении — миллионы!

— Четырнадцать и миллионы, — задумчиво проговорил сосед Лютова и замолчал, опустив голову.

Вспомнив свое выступление на совете, Лютов поморщился и огорченно вздохнул... Не так он вел себя, вернее, не так выступал... Горячился! Так и не научился он говорить спокойно, последовательно, сглаживая острые углы, как это умели делать некоторые знакомые специалисты. А не мог потому, что видел главное и шел к нему напрямик. Он сразу признал необходимость маневра, но еще и подлил в огонь масла, сказав, что тому, кто недопонимает сложности момента или хотел бы отсидеться в

тени, уходя от ответственности и выжидая, лучше побыть в стороне. Пусть уж говорят потом, что они были правы, предупреждая...

Нет, не простое дело — строительство железных дорог. Каждая из них имеет свою историю, чаще всего поучительную для других. И Лютов, выступая, вспомнил случай из практики одного из крупнейших строителей, который в трудном положении решился открыть рабочее движение поездов по рельсам, скрепленным деревянными накладками, а один из участков дороги проложил по дну будущего моря. Когда его заполнили, под воду ушли опоры мостов, некоторые сооружения, а рельсы сняли и перевезли. Но главное было в том, что все потери компенсировала сама дорога. До затопления она честно отработала около десяти лет, снабжая грузами крупнейшие стройки Сибири. Выигрывалось время, а время у деловых людей всегда деньги.

Лютову все казалось ясным и оправданным, но и противники маневра выступали не просто так, а тоже с примерами. И тогда Сам, уполномоченный на месте распоряжаться миллионами, отпущенными на строительство, послал экономическое обоснование в Москву, на утверждение, а Лютову приказал:

— Жми мимо мостов!.. Как можно быстрее и дальше! Нужно, чтобы дело и время сработали на нас. Пусть уж судят как победителей. А затянем с укладкой на обходе, да еще если не утвердят наше предложение, полетим мы с тобой, Лютов... И не просто полетим, понял?

Трудные начинались дни. Обсыпалось полотно, гремели взрывы, росли дома, но Лютов чувствовал в себе особенное напряжение. Линия теперь была у выемки. И настал день, когда укладчик, не сворачивая в разрез, положил звено прямо и вниз, к равнине между сопками.

Не все знали, зачем, почему уведена дорога... Как-то, еще в начале укладки на обходе, к Лютову подошел машинист экскаватора из мехколонны.

— Анекдот рассказать, Павел Захарыч?

— Валяй, — разрешил Лютов.

— Протекала в лесу речушка. Не велика, но не перепрыгнуть ее, не обойти. Надоело зверью в воде шубы мочить, и решило оно сообща построить через ту речку мост. Старшим прорабом утвердили осла. Собрались все вместе и думают, из чего же мост строить. Белки, еноты, бурундучки советуют из жердей, лев с медведем из деревянного бруса, а слонам с бегемотами железный мост подавай, на бетонных опорах. Прораб слушал их, слушал, да и заревел: «Чего о пустяках спорите? Мы же не договорились, как будем строить мост — вдоль реки или поперек?»

Экскаваторщик улыбнулся хитровато, спросил:

— Улавливаешь, Павел Захарович?

— Давай итог!

— А итог какой?.. Я вот третью дорогу за жизнь свою строю, всякое видел, а тут и мои мозги набекрень... Выемка от линии в стороне, мосты тоже. Для чего? Чтобы потом пассажиры могли ими любоваться? — Машинист прищурился, уже без смешинки спросил: — Не вдоль реки ли мост тянем?

Лютов посмотрел на мужика, посоветовал:

— Ты вот что... Когда с масленкой полезешь на стрелу, приставь руку к глазам и хорошенько вперед посмотри. С высоты, говорят, всегда лучше видно. Заодно и подумай, что у нас тут к чему и зачем делается... Понял?

— А увижу?

— Если на плечах голова, должен увидеть, — поддержал Лютов веселого машиниста. — А что поймешь, потом расскажешь, прораб-самоучка...

Разошлись полюбовно. И ничего странного не было в том, что этот разговор с подковыркой порадовал Лютова. За словами механизатора он почувствовал заботу о деле. Выходит, человеку не все равно, где работать, за что получать деньги, не безразлично, что происходит на его до-

роге. И сейчас, представив хитровато-озабоченное лицо экскаваторщика, Лютов подумал со вздохом: «А ведь и он ждет результата сегодняшней ночи...»

Гафуров постарался, и к зиме машину оборудовал по-хозяйски. В свете фар Лютов видел искрящийся снег, а в салоне «рафика» было тепло, уютно. Из приемника доносилась музыка. Она звучала негромко, не мешая думать, но вот послышалось что-то неприятно-знакомое. Искоса взглянув на начальника, Гафуров увеличил громкость, и в машину ворвалось раздражающее: «Баммм... Баммм... Баммм...» Лютов недовольно поморщился, с укоризной посмотрел на шофера.

— Вот дают, а, Пал Захарыч! — рассмеялся Гафуров, убавляя громкость. — Верняк — на пустом ведре сочиняли... Врезал по нему колотушкой, получилось это самое «баммм». Еще разок врезал — еще один «баммм». И называется песней. Да это же «караул» настоящий! Под такую музыку только и разбегаться... Да был ли он здесь, композитор тот? Видел ли, как строится наша дорога?

— Может, и был. — Лютов решил подразнить расплавленного парня. — Тебе лучше знать. Ты гостей возил!

— Это уж точно. За лето и корреспондентов, и художников, и музыкантов, и писателей, и артистов на всю жизнь насмотрелся. Полный салон набивалось...

— Выходит, ты и виноват.

— Ха!.. А приказ-то чей? — Гафуров усмехнулся. — Дело не в том... Пусть приезжают, пусть смотрят. Но я бы такую систему завел. Вот, скажем, приехал человек. Возили его, показывали дорогу, с народом знакомили. Живи он, сколько нужно, пиши, умеешь — рисуй. Но учти, что командировку мы отметим, если толково напишешь. Получай тогда и суточные, и колесные. А если хреновину нарисовал, туфту про нас сгородил — гони монету из своего кармана. У нас же как? Сделал брак — плати!

— Ты, оказывается, злой! — Лютов усмехнулся. — По твоей мерке подходить — многие на сухари перейдут.

— Нет, не злой я, а все по уму должно делаться. — Гафуров усмехнулся. — А уж народу у нас побывало. В Тынде в один день пятьдесят шесть корреспондентов насобиралось. А сейчас тихо стало. Дед Мороз всех шуганул!

— Один остался.

— Ага! Значит, скоро прочитаем: благодаря упорному труду строители Байкало-Амурской магистрали довели стальные рельсы до сто третьего километра. И ведь не скажут, что в эту праздничную ночь начальник головного поезда Лютов Павел Захарович, усталый и задумчивый, мотался вдоль трассы с лихим шофером Мусой Гафуровым. Не спавши и не жравши. Не скажут?

— Пожалуй, нет, — согласился Лютов. — По причине, как ты говоришь, непроявленного героизма.

— Это точно, — усмехнулся Гафуров. Увидев впереди огоньки, он объявил, опять подражая гиду: — Подъезжаем к станции Муртыгит. Прошу отметить на картах, товарищи гости...

Как-то сразу дорога врезалась в нагромождение из блоков железобетонных конструкций, которым суждено было впоследствии стать жилыми домами, опорами мостов, пролетами, стенами...

Грузов было много, выруливая между ними, Гафуров чертыхал снабженцев и грузчиков, а Лютов неотрывно всматривался в сторону пристанционных путей. Заметив хвост «вертушки» с пакетами из звеньев, он приказал:

— Придержи-ка!

Машина остановилась. Лютов ступил на снег и сразу оказался в другом мире, холодном и темном. Ветер рвал из руки откинутую дверцу, и, захлопнув ее, Лютов направился к тепловозу.

Поднявшись в кабину, он увидел бригаду тепловоза. Машинист, сидя у своего правого окна, что-то вычитывал

при тусклом свете в затертой газете, а его помощник — русоголовый паренек лет восемнадцати, — орудуя шилом и иглой с длинной дратвой, сшивал ремень. На выступе, перед смотровым окном, стоял термос, на бумаге лежали нарезанные куски сала и хлеба.

Увидев в кабине Лютова, помощник усмехнулся.

— Гляди, Тимофей! Начальство к нам завернуло. А это значит, что будет нам зеленая улица.

— У вас тут уютно... Как в комнате матери и ребенка, — поздоровавшись, заметил Лютов. — Чего стоим, товарищи тепловозники? Почему дальше не едем?

По виду машинист был лет на пять старше помощника и серьезнее, как и положено машинисту. Не торопясь он наполнил кружку и протянул ее Лютову.

— Пейте кофе, погрейтесь. — Заглянув в маршрутный лист, объяснил: — Сюда мы прибыли тридцать две минуты назад. Дежурный говорит, что навстречу порожняк идет. Наверное, после него нас пустят.

— А на Баме загружают платформы? — торопливо отхлебывая из кружки, спросил Лютов.

— Что-то не видел... Но «вертушка» стоит.

— Стоит, — подтвердил помощник. — Полная сцепка. И народ на сборке вроде бы копошился...

Допив кофе, Лютов поставил кружку на место.

— Спасибо. Я сейчас к дежурному заверну, а вы, как только дадут зеленый, жмите в самый конец дороги... Там укладка идет!

— Понятно! — отозвался машинист и посмотрел за окно, в которое ударял ветер, наметающий снег между рельсов. — В такую погоду?.. Да-а...

— Рванем, товарищ начальник, — ухмыльнулся вслед Лютову помощник машиниста. — В пределах допустимой, а может, и недопустимой скорости!

Спустившись по крутой лестнице, Лютов обошел состав из полувагонов, груженных конструкциями сборных домов, и направился к вагончику, в окне которого горел

свет. Этот неприметный, снятый с колес вагончик был единственным станционным зданием на Муртыгите.

За столом дежурного Лютов увидел пожилого дядьку с длинным лицом и густой щетиной на запавших щеках. Серая рубашка на нем была распушена, из-под нее белела полоса исподнего. Мужик изнемогал от жары, исходящей от печки, сложенной из кирпича, но сидел в валенках, доходивших почти до колен.

Грустными глазами больного дежурный уставился на Лютова. В черном полушубке, в черных унтах, явившись из облака холодного воздуха, он, наверное, был похож на черта из преисподней.

— Почему держите «вертушку» со звеньями? — спросил Лютов.

Дежурный зачем-то посмотрел в развернутый перед ним журнал, покосился на зуммеривший аппарат и глухо ответил:

— Порожняк идет из Аносовской.

— Но он может до утра ползти, а нам нужны звенья! На сто первом идет укладка пути. Вам это известно?

— Мне-то знать не обязательно, — отрешенно отозвался дежурный. — Нам приказано не задерживать порожняк, выталкивать вагоны на магистраль... А состав еще днем должен был уйти из Аносовской...

— Да на кой черт и кому нужен порожняк в праздники? — Но Лютов тут же одернул себя, понимая бесполезность такого разговора, и спросил уже поспокойней: — Где состав сейчас?

— Однако, к разъезду подходит...

— Передайте, чтобы там его и поставили на объездной путь. И пусть он стоит, пока не пройдут «вертушки» с пакетами.

— Это как начальство...

— Убирайте порожняк хоть в кусты, но чтобы звенья шли без задержки!

Приказной тон смутил дежурного. Опять посмотрев в

свой журнал с каракулями, он почесал широкую пролысину на голове.

— Нам чего... Только чье это распоряжение будет?

— Начальника головного поезда... А если у кого-то возникнут сомнения, пусть позвонит начальнику управления строительством...

Дежурный поднял глаза, и по их выражению Лютов понял, что смелых или дураков на такой звонок не найти.

Вернувшись к машине, Лютов оббил о подножку снег с унтов и забрался на сиденье.

— Давай, Гафуров! Жми без остановки на Бам!

— Если получится, доедем без остановки, — отозвался Гафуров. — Водители, Пал Захарыч, перед дорогой ничего не загадывают. Загадаешь — прогадаешь. Суеверие — пережиток прошлого, но всякое может случиться — прокол, поломка...

Машина неслась по дороге, за Муртыгитом более широкой и лучше укатанной. На этом участке основные работы заканчивались, и, как при каждом наступлении, в тылу все постепенно приводилось к порядку, в каком предстояло оставаться на долгие годы.

Несколько километров железная и автомобильная дороги тянулись вблизи друг друга, но потом разошлись, каждая по своему повторяя изгибы реки Ольдой. Неширокая, с холодной и чистой водой, обходя преграды, река торопилась к Амуру. Неподалеку от места ее пересечения с Транссибирской магистралью и располагалась станция Бам. Основанная еще в 1912 году, до последнего времени она оставалась маленькой, неприметной. Не более десятка домов лепились по обеим сторонам полотна. Их обдавало дымом паровозов, беспокоили грохотом составы-тяжеловесы под тепловозною тягой. Не останавливаясь, проносились мимо скорые поезда. Они спешили к большим городам, а Бам оставаясь на месте, словно ждал своего часа. И настал день, когда от станционных путей потянулись на север две стальные нитки. Новой

линией люди торопились соединить старую железную дорогу с Великим тезкой маленькой станции.

Кто назвал ее так? Почему Бам? По имени магистрали или в честь тех, кто строил первую в этих местах дорогу?

Скорее всего ни то, ни другое. Лютов с детских лет слышал непонятное тогда слово «бамовец». Оно осело вдоль дороги с незапамятных тех времен и в лексиконе бабок, недовольных озорными внучатами, заменяло другое слово — «каторжанец». Дорогу-то строили подневольные люди. Политические, бунтари, закованные в кандалы после погромов помещичьих усадеб, прошумевших в европейской России после девятисотого года.

Каторжной была доля и самого строителя. Лошадкой, тачкой, да силой собственных рук располагал тогда человек, строящий величайшее сооружение своего времени. В строгой прямоте и ровности железной дороги, в четкости откосов и насыпей, в тоннелях и мостах из тесаного камня Лютов всегда видел необычайное произведение искусства, которому нет ни равных, ни подобных по размерам, назначению, нужности людям. Но проезжая по старым дорогам, он часто вспоминал строки, с детства заповившие в сердце:

Прямо дороженька, насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты...
А по бокам-то все косточки русские...

Еще в институте, глубже познав историю железных дорог страны, он начал думать о том, что когда-то в самом центре России люди построят главный памятник тем, кто, умирая безвестным, оставлял после себя стальные километры. Он и о БАМе впервые узнал в институтской библиотеке. Узнал, как и кем строилась ветка между Бамом и Тындой. Только не долгой была ее жизнь. Великая Отечественная спутала все планы. Лежащие здесь рельсы, фермы мостов были сняты и с литерной скоростью эшелонами переброшены на запад — на строи

тельство знаменитой Волжской рокады, сыгравшей огромную роль в Сталинградской битве.

Во времени все относительно. И воспоминания детства, и само прошлое в настоящем... Из далеких лет сохранилось пугающее слово «бамовец», а теперь им гордятся. Здешние сопки видели, как трудно прокладывалась дорога, как быстро не стало ее. Долгие годы в распадках дремала томительная, ждущая тишина. И люди вновь пришли сюда. Сами пришли. Совсем иные. По-иному одеты. Управляют техникой, о которой мог только мечтать тот, первый строитель. И дорогу они ведут по иным уж отметкам. Не потому, что заросло, разрушилось старое полотно. Иные скорости и размеры у поездов. Им посильны большие подъемы, нужны другие радиусы кривых, границы станций. И совсем другие темпы у новых строителей. Двух лет не прошло со дня укладки «серебряного звена», а сегодня ночью бурьяновцы выходят к сто третьему километру. Рельсы упорно приближаются к Тынде — тоже глухому, никому не известному раньше поселку. Но счастливой судьбой ему предназначено стать крупнейшим железнодорожным узлом, столицей Большого БАМа. От Тынды дорога пойдет дальше на север, на Беркакит. От Тынды, одолев Чарский хребет, рельсы протянутся к Ангаре и Лене. От Тынды дорога поведет поезда и на восток, к Амуру, к Великому, или Тихому океану.

Вздыхнув, Лютов склонился к ветровому стеклу, попытался определить на местности, но темнота надежно закрывала округу.

— Штурм проскочили?

— А вы и не заметили? — отозвался Гафуров. — До Бама, можно сказать, пустяки остаются.

Гафуров замолчал, напряженней всматриваясь вперед и сбавляя скорость.

Вглядевшись, и Лютов увидел человека с поднятой рукой, в запорошенной одежде.

— Что за снеговик? — пробормотал Гафуров, останавливая машину. — Откуда он взялся тут?

Закрываясь от света рукой, мужчина открыл дверцу. Просунув в машину крупную голову в мохнатой шапке, пристально посмотрел на Лютова, на Гафурова и простуженно, хрипло спросил:

— До Бама подбросите?

— Садись...

Обойдя машину, незнакомец открыл дверь в салон, неуклюже протиснулся внутрь и, сгибая ноги, скользящие стылыми валенками на железном полу, уселся на ближнее сиденье. Его движения сопровождались позвякиванием страховочных цепочек на широком монтажном поясе.

Тронув «рафик», Гафуров обернулся вполоборота, спросил:

— Это у тебя как называется? Моцион перед сном?

— Связист я... — Рвущийся из груди кашель остановил мужика, и договорил он не сразу: — Линейщик...

Стянув со спины рюкзак с торчащими из его горловины когтями, неловкими от холода пальцами связист достал из пачки «Севера» папиросу. Чиркнув спичкой, поднес огонек к лицу.

— Обрыв был на линии, — затаившись, пояснил он. — Исправлять посылали.

— Да-а, связь у нас, прямо скажем, отчаянная, — усмехнулся Гафуров, — По ней только о смерти да разводах сообщать...

— Почему... о разводах?

— Не сразу дозвонишься!

— А-а... Дело не в том, — со скрытой обидой проговорил связист. — Какая у нас линия, вот в чем корень. А все держится на честном слове. Где на столбе провода закрепили, где на дереве... Времянка, считай. Вот она и рвется. А порвалась — день ли, ночь, снег или дождь, а иди устраняй повреждение...

— Да, служба — отдай другому, — с сочувствием заметил Гафуров. — А не встретил бы нас, так и шел?

— Нет, летел бы.

Гафуров покосился на связиста, на Лютова.

— Шутник ты, однако...

— Ага. Я, знаешь, там, в чаще да в кочках, нашутковался до маковки.

Поджав губы, Гафуров замолчал и больше не приставал с расспросами. Связист вытянул усталые ноги и, видно, разморенный теплом, успокоенно закрыл глаза.

РАЗДУМЬЯ СВЯЗИСТА

Бамовцы... Интересно, какой леший их в ночь гонит?.. Этот, справа, начальником поезда у них. Видел его не раз... А чернявый? Раньше-то, когда у нас на станции все начиналось, он на рабочем автобусе шоферил. Его-то я давно по обличью знаю. Может, и он меня видел, а теперь признать не схотел. Как же! Они — бамовцы! Кругом про них говорят. Они и отсыпали, и построили, и провели. Оттого и гонорок у них наблюдается. Что им нас, подсобников, замечать?

А вот взять бы да и сказать им, что другие тут тоже не просто так отсиживают коэффицент, а к общему делу близкое отношение имеют. Хотя бы и связистов возьми... Без нас не шибко по телефону наговоришься. Только вот словечки в трубочку за сотни верст перебрасывая, не забывали б, уважаемые строители, что кто-то вкопал в мерзлоту столбы, через гиблые мари да за горы провода протянул. И это полдела еще. За линией связи смотреть да смотреть нужно. А тянется она там, где и тропочек нет. Тут тебе и завалы лесные, чаща такая, что того и гляди глаза на сучьях останутся.

Верно чернявый про работу заметил... Не всем под силу она. Наш брат связист все больше в одиночку пере-

двигается по тайге. А тайга, она и есть тайга. Другого не скажешь. То со зверем она сведет, то коряжину под ногу подсунет. Зимой по пояс в снегу ходишь, а весной да осенью линейщикам вовсе беда и сидеть не приходится. Тут и грязь до колен, тут и наледи прут на столбы, провода обрывают. Ветер роняет на них деревья. То обрыв, то замыкание, и опять выходи на линию, дай людям поговорить.

Верхоглядам наша работа не под силу. Бывают моменты, из которых не всякому выбраться... Да вот хотя бы прошлогодний случай возьми, со Степкой Метелкиным. Тоже вот так, по осени было, чуть позже, правда, к декабрю ближе. Рано утром подняли Степана, говорят, обрыв на линии. Ну и пошел парень с рассветом, не зная, что вернется лишь с темнотой.

Поначалу шел Степан вдоль дороги, под линией связи. Но не всегда они рядом идут. Бывает, надолго и далеко расходятся, и Степану пришлось свернуть в сопки. Перевалил он один становичек, другой и с него вышел к мари. У нас ее Гуранихой называют. Издавна это имя прилеплено к месту. Говорили старики, что раньше на ней козлов гуранов хорошо добывали. Но сейчас-то уж редко повстречаешь рогача. Да и не ходят туда охотники. Уж больно велика марь, километра на три растянулась, а одолевать ее хуже каторги. Кочка высокая, по пояс травой затянута так, что ноги не продерешь. А зимой на ней сугробов наметет, снег метровый лежит.

Пока Степан одолевал марь, не раз пропотел, силенки на сугробах расстратил. И уже за марью, на склоне сопки нашел он обрыв. Да неладный такой, что без вставки его не исправить... Старый способ, но и его приходится применять. Это когда к одному концу лопнувшего провода надвизывают кусок запасного, чтобы потом было легче соединить линию. Ну, Степка так все и сделал. Потом привязал к проводу веревку и взобрался на столб. Контрольную трубку телефона, чтоб не мешала, он под-

ключил к линии и повесил ее на кронштейн изолятора. Недалеко от него, на другом конце обрыва, сделал Степа крючок.

Теперь пустяки оставались. Поднять веревкой пролет и, натягивая, накинуть кольцо на приготовленный крюк. Но это в тепле да на бумаге все легко получается. А тут мороз, от которого и железо черствеет. Провод вытягивался тяжело, веревка скользила в рукавицах, вырывалась из рук... Да и стоять на когтях, над столбом возвышаясь, не просто. И так уж оно получилось, что когда Степан соединил-таки провода, веревка лопнула, и сам он, потеряв равновесие, откинулся назад всем телом. Тут и коготь соскользнул с мерзлого столба...

В общем, грохнулся Степка под склон сопки. И кто знает, сколько без памяти пролежал парень. Как еще не замерз. Холоду незаметно покоряется человек. Но Степу люди пробудили из забытья. Услыхал он, что кто-то просит у него: «Харчей и запчастей к вездеходу давай!» А другой за него отвечает: «Хорошо, все понял. А ты начинай, Назаров! Работу на отметке Янкана гони в первую очередь!»

Лежит наш парень носом в снегу, слышит такой разговор и понять ничего не может. Запчастей никаких у него нет, хлеба кусок за пазухой, чтобы не замерз, а до Янкана вон еще куда добираться. Тогда там только разведка шла. Да и фамилия у Степки совсем не Назаров...

Ничего не может понять он. Поднял от снега лицо, таращит глаза, а в них круги и сугробы. Валами наступают. Видать, звезданулся все ж крепко парень, если память так отшибло. А попробовал встать и чуть не завыл от боли. Тут и совсем уж очнулся Степан. Кое-как перевернулся на спину, сел и понял, что голоса в тайгу, в тишину ее мертвую вылетают из трубки. Она на кронштейне болталась. Рядом с ней и коготь с порванными ремнями торчит.

Положение у парня было, прямо сказать, губительное. Падая, Степка сломал ногу, а другую в суставе подвывихнул. Пока лежал, нога распухать стала. В ходьбе, значит, она уже не опора, а если не идти — похоронить себя заживо. Мороз жалости не имеет. День уже на вечер сворачивал, еще часа два, и темнота поползет из чащоб да распадков. До дороги больше двух километров напрямую. При Степкином бедственном положении это не час и не два. Он понимал — если не доберется до трассы, не успеет перехватить попутную, конец будет.

Как ни больно было, а начал Степан шевелиться. Сломал листвянки, приспособил, пошел. Да какое пошел... На палках по глубокому снегу не напрыгаешь много. Больше ползком, волоча покалеченную ногу, выбирался Степа к дороге. Потел, забывался, орал от боли и злости, а полз.

Уже перед темнотой выбрался Степан к сопке, по склону которой проходила автодорога. Оставалось вроде бы немного — забраться наверх, через кусты проползти. Но это здоровому свой огород невелик. Сколько раньше ходил Степан, а никогда не думал, что метры бывают очень длинными. А тут уже и одежда на нем отсырела и не держала тепло. Совсем задубел парень, измотался вконец...

Когда сил только на вздох остается, про пляску не думают.. Да и с судьбой смириться легко. Так было в момент и со Степкой. Ткнулся он опять носом в снег, затих, и пропади оно все в тартарары. И стройка великая, и связь ненадежная... Все на свете стало далеким. И родители-старики, оставшиеся в деревне, что на берегу Амура стоит, и братья с сестрой, и невеста. Ее Степан уже на станции нашей присмотрел — молдаваночка, тоже из новых строителей.

Могло плохо кончиться, если б не ворон таежный. Особая птица, крупная и мрачная. Где живет-прячется, никто не знает. А днями над тайгой летает, зырякая жел-

тым глазом. Увидит остатки волчьего пира, осмотрится и вниз, подбрать, что можно. А то подранка или животину больную заметит. Тут уж и ворону пир. Да так старательно добычу очистит, только скелет и останется. Верно говорят, что волка ноги кормят, а ворона — крылья.

В аккурат в ту тяжкую для Степана минуту пролетал над ним такой ворон. Увидел он человека в непонятном положении, спустился. Он же и мудрый, гад! С ружьем идешь — на сто шагов не подлетит, а безоружному готов на голову сесть. И этот, видно, понял птичьим своим разуменьем, что человек у кустов совсем слаб и никому не страшен.

Сел ворон шагах в десяти, повертел головой, разглядывая Степана, и закаркал. Может, он близкому пиру радовался уже, а может, сородичей своих созывал... Но как раз его карканье и расшевелило Степана. Поднял он голову, посмотрел на ворона и представил, как тот будет сидеть на его застывшем лице, глаза выдирая. Они почему-то завсегда с глаз начинают. Потом уже рвут, что легче дается. От такой картинки — с вороном на собственном лице — и мертвый запрыгает. Степану так жить захотелось, и эта жажда жизни и злость толкнули его вперед, пополз он, продираясь сквозь кусты. Вспомнил, как говорил потом, и чапаевскую песню: «Ты не вейся, черный ворон...» Еще пуще обозлился. Тут и приподнялся от земли стылой. Швырнул в ворона остатком сломанной палки и медленно двинулся вверх по склону горы.

Все ж, наверное, в рубашке парень родился. Бывает, привяжется к человеку лихо и сбивает его, сбивает, пока и сильного не сомнет... А Степке вот повезло. Уже совсем по темноте выбрался он на дорогу. Тут в самый раз бензовоз на станцию за соляркою шел. Подобрали ребята Степана и давай газу. Привезли его сразу в медпункт, оживлять стали. Водки дали, снегом его, спиртом растирали, а он спит как проклятый. Но отходили. На сломан-

ной ноге ему, правда, палец оттяпали, да на руках и на лице кожа подзаменилась. Так это пустяк по сравнению с жизнью. Отвоевал ее Степан. И для себя, и для жены молодой. На май они и окрутились. А Степка и теперь в связистах ходит. Только на блокировку перевелся. Там ходьбы поменьше...

Э-э, да что Степкин случай. Не им одним полна жизнь. Вспомнить хотя бы, как Андрей Каратузко с медведицей столкнулся. С двумя ж сосунками была зверина... Да что об том говорить. В каждой работе свои зацепины есть. Только не у всех они на виду. Ага, вот и огонек промелькнул за кустом. Станцию видно, теперь я дома. Хорошо, что подбросили, товарищи строители. Пехом-то я где бы еще косолапил? Но гонорлив, заносчив, чернявый. Рулит с важностью, будто министра везет. А начальник что-то все время молчит. Проблемы, поди, решает... Пусть его, пусть решает. Начальству и положено больше молчать, лучше думать.

Выбежав из сопок, машина покатила по безлесой равнине, в центре которой плескались огни Бама — теперь многопутевой станции, с поселком в несколько улиц, с многоэтажными домами, со своим кафе, просторным клубом, столовыми, общежитиями... Кивнув на окна одного из них, Гафуров усмехнулся.

— Видать, гуляет молодой энтузиазм! Обычно в такое время редко какое окно светится. — Свернув с трассы, Гафуров спросил связиста: — Ты в какой стороне живешь?

— Останови напротив станции, вот и буду дома, — негромко отозвался нечаянный пассажир.

— Ну, тогда до звеносборки поедем. Оттуда только через линию перейти останется...

Проскочив между огородами, Гафуров вывернул к звеносборочному участку с большим тепляком в центре его.

Лютов вышел из машины первым и, осматриваясь, остановился, застегивая полушубок. Следом за ним, позвякивая цепочками пояса, выбрался и связист. Зябко передрнув плечами, он повернулся к Гафурову.

— Благодарствую за доставку, чернявый. Будешь еще когда, заезжай чай пить. Мой дом от станции третий...

— Ладно, ладно, — отмахнулся шофер. — Пусть твои провода гудят без обрывов...

Связист поправил шапку, махнул Лютову рукой и, вскинув на плечо рюкзак с когтями, широким, неторопливым шагом направился к станционным путям, занятым составами, бесконечными в темноте.

Гафуров тоже вышел из машины. Оглядывая темную стылость, он проговорил с удивлением:

— А тут, Пал Захарыч, похоже, отвоевались уже?

Лютов не отозвался. Подъезжая, он надеялся увидеть на участке лучи крановых прожекторов, людей, раскладывающих рельсы, шпалы, костыли — все, что требуется для сборки звена. Но на участке было темно, как в старом заброшенном колодце. На пути стояла под тепловозом «вертушка» из платформ, наполовину загруженных. За «вертушкой» тянулся состав с полувагонами, груженными шпалами, около них темнела коробка мотовоза, и только в дальнем конце участка, у козлового крана мерцали огни: оттуда доносились размеренные удары.

Ничего не понимая, Лютов пошел на звуки и свет. Подойдя ближе, он разглядел автокран с грустно опущенной стрелой. Под ней, в свете фары, возились двое. Из-за рокота мазовского дизеля они не слышали шагов Лютова, тем более что один из работавших, махая кувалдой, яростно матерился.

— Что тут у вас делается? — подойдя вплотную, спросил Лютов.

Перед ним распрямылся невысокий коренастый паренек в солдатском бушлате и серой шапке с завязанными у подбородка ушами. Тут же в круг света вышел и

второй работник, тоже небольшого роста, в стеганом полушальто, подпоясанном красным кушаком.

По отчаянной курносине на совсем юном, мальчишеском лице Лютов узнал крановщика с бамовского участка своего поезда. У его ног лежал головной блок стрелы с зажатым между роликами, блестящим от потертости тросом.

— Трос подъемника лопнул, — отозвался, наконец, крановщик. — Заклинило, черт бы его взял!

— Когда это случилось?

— С час уже возимся.

— А где бригада?

Крановщик оглянулся на тепляк.

— Там. Греется.

— Много еще грузить?

— А шут его знает! — загорячился маленький крановщик. — Грузим, грузим — все как в прорву... Вон, еще «полвертушки» дожидается. Говорили, последняя вроде бы...

— На базе есть еще краны? — спросил Лютов.

Паренек поднял голову, посмотрел на начальника, пытаясь узнать его мысли, от которых могло бы облегчиться их плачевное положение, но, поникнув, махнул рукой.

— Таких нет... Есть «зилки», они звено не поднимут. Да и система другая совсем. — Он склонился, прицеливаясь кувалдой к блоку, но придержал удар. — Вообще-то у нас ночуют два крана из мехколонны...

— МАЗы?

— Ага.

— Какого же черта молчишь? — взорвался Лютов. — Кончай эту бесполезную возню с обрывками и дуй на базу! Бери любой из тех МАЗов — и сюда. Если они без горючего или еще что-нибудь — переставляй трос.

— Так машины чужие.

— Ты действуешь с моего разрешения! Понял?

— Так точно! — по-солдатски отрапортовал крановщик.

Через минуту шагавший к тепляку Лютов услышал за спиной напряженный рев уходящего по дороге МАЗа.

Переступив порог, Лютов прихлопнул за собою дверь и остановился, щурясь после темноты. Плотный вал холодного воздуха хлынул к середине тепляка и тут же разбился, рассеялся среди ног сидевших за длинным столом людей.

Во главе стола с пунцовым от жара лицом восседал круглолицый бригадир Стебеньков с рыжей спутанной бородой. По обе руки от Стебенькова размещалась бригада. Шапки, телогрейки, полушубки были сброшены и навалены в углах.

На Лютова, как показалось ему, не обратили внимания: орудуя вилками, ножами и ложками, звеносборщики трудились над огромной, поставленной в центре стола сковородой с тушенкой. И все бы это ничего. Работают люди одной бригадой, вот и едят вместе. Но, уже открыв рот для приветствия, Лютов увидел перед сидящими стаканы и кружки, а за спиной бригадира — пустые поллитровки, стыдливо жавшиеся к занавеске окна.

— Та-ак, — еще не успев ни удивиться, ни рассвирепеть, протянул Лютов. — Закусываем?

Некоторые из сборщиков — из тех, что помоложе, — видно, наевшись, откладывали ложки, неуклюжие и толстые в теплой одежде, отходили от стола и, закуривая, садились у стен, прямо на пол. А Стебеньков, продолжая орудовать вилкой, коротко взглянул на начальника и предложил:

— Садитесь, Павел Захарович, разговеейтесь с нами.

— Ты, Стебеньков, не обалдел, часом? — все еще не находя слов и сдерживая гнев, спросил Лютов.

— Так я ж ничего такого и не сказал. Садитесь, говорю, покушайте. К нам, поди, натошак отправлялись? Выпивки, правда, нет.

— Да ты что?.. Там, понимаешь, люди на холоде... Там рельсы ждут, а ты? А вы водку здесь хлещете?!

Опять взглянув на начальника, Стебеньков опустил голову, показывая смешной хохолок на макушке. За столом он остался один. Его парни, такие же молчаливые, располагались по углам тепляка, вытягивались на полу, подпирая затылками стены, а устроившись, с безразличием закрывали глаза в дремоте. И это еще больше бесило и настораживало Лютова, не понимавшего такого поведения бригады. Но острее всего заедали его убийственное спокойствие и отчужденность самого бригадира.

Лютов, сдерживая себя, прошел вперед, опустился на скамью у стола.

— Почему кран не налаживаешь?

— Как же? — чуть-чуть удивился Стебеньков. — Там остался наш парень. А что остальным делать? Толкаться рядом с крановщиком да мерзнуть?

— Ты мог догадаться и отогнать этот кран на базу и взять другой?

— У нас разные права, Павел Захарович.

— Прораб был здесь?

— Днем был, вечером уехал стариков своих хворых проведать. Ему же разрешили...

— Слушай, Стебеньков, ты, может, не знаешь, что делается на трассе? Какие задачи на эти сутки? — И все-таки не сдержался: — Где звенья, черт тебя подери?!

Стебеньков отодвинулся от сковороды с горкой тушенки, ненавистной голодному Лютову, обветренными губами достал папироску из пачки.

— Все я знаю, Павел Захарович, — прикурив, отозвался он и спросил, как будто в упор стрельнул: — Какое сегодня число?

— Тебя спрашивают, ты и отвечай!

— А разве я не могу спросить? — Только теперь в голосе бригадира появились живые нотки. — А если забыли, то напомним, что сегодня уже седьмое ноября идет.

Праздник наступил! И в эту праздничную ночь вся наша комсомольско-молодежная кантуется здесь, на комплектовке. И, заметить прошу, добровольно, Павел Захарович.

Отглядев вповалку лежащих рабочих, Лютов отметил, что народу для одной смены многовато, а до полной бригады малость не хватает. И это заставило его промолчать. Он только прищурился, стиснув зубы, и глядел на Стебенькова с той же затаенностью, а бригадир не спеша, с прежней уверенностью продолжал:

— В таком составе, Павел Захарович, работаем мы с утра. Вечером отпустили только женщин. У них, знаете, всегда забот больше... А для чего мы тут уродуемся, часов не считая? Не для той ли самой задачи, о которой вы нам напомнили и про которую ни один из них, — Стебеньков провел рукой над лежащей бригадой, — ни на минуту не забывал. И рвут они жилы, хребты ломают для того, чтобы вы там дошли до сто третьего километра, чтобы отпрапортовали. Мы и не обидимся, когда разнесут славу про бурьяновцев, про тех, кто укладку вел. О нас, тыловиках, в таких случаях забывают...

— Расплакался! — перебил бригадира Лютов. — Ни благодарности, ни премий вы не получали, на доске Почета вас не было? — И не зная, чем и как вытряхнуть из Стебенькова его упрямое спокойствие, добавил: — Устроил пьянку в рабочее время и еще жалуется! Это безобразие!

— Никакого безобразия не вижу, — возразил Стебеньков. — Больше скажу: бригада сейчас спать будет. Да вон, уже всхрапывают гусары.

Сунув под головы скомканную одежду, уставшие сборщики дремали. Посмотрев на них, Лютов растерянно вздохнул и перевел взгляд на Стебенькова, глыбой нависавшего над столом.

— Так что, давайте не шуметь, Павел Захарович. Все будет в норме. — Бригадир сунул окурок в консервную

банку, помолчал, думая о своем. — Самое большее, что мы выжимали раньше, — полторы «вертушки» с пакетами. Это считалось пределом. Сегодня уже отправлено две. Загружена половина третьего состава. Остается догрузить три платформы, а соберем мы их за два часа.

— Ну и собирали бы.

— Кран нас выбил из ритма. — Стебеньков смачно зевнул. — Соберем, Павел Захарыч. Вот поспят парни по часику, и снова закрутится каруселька. У сил человеческих предел есть, это понимать нужно. А водки они выпили по сто грамм. Фронтových! После такого аврала хмелю от них никакого, одна слабость, как от снотворного.

Горбясь, сидя на скамье, Лютов молчал. Он думал над странностью своего положения. Как начальник, он должен был разнести бригадира, быть может, отстранить его, но как человек, хорошо знавший условия транспортного строительства, повидавший немало такого, о чем стыдливо умалчивают при разговорах с корреспондентами, он понимал бригадира. Однако нужно было что-то предпринимать, хотя бы сказать что-то...

— Если через два часа «вертушка» не уйдет со станции, Стебеньков, — неуверенно начал он, — быть тебе с выговором в приказе и...

Лютова выручил морозный скрип двери. В холодном облаке он увидел лицо Гафурова.

— Привет ударникам тыла! — начал было Гафуров, но предупреждающий жест Лютова остановил его. Недоуменно оглядывая вповалку лежащих людей, Гафуров тихо подошел к столу и, уставясь на сковородку, шмыганул носом. — А я думал, где подзаправиться бедному водителю...

— Садись! — приказал ему Стебеньков. — Жуй и молчи. И вы, Павел Захарович, подкрепитесь. Вот, берите чистые вилки.

Стебеньков отвалил обоим по ломтю хлеба, и, сев друг против друга, Лютов с Гафуровым начали есть. Гафуров

торопливо, словно его опять гнали в дорогу, Лютов — сдержанно, задумчиво поглядывая на спящих. Потом, посмотрев на бригадира, он негромко спросил:

— Ты кормил тех ребят? Крановщика со стропальщиком?

— Чай пили. Дело сделают — поедят. Тушенки на всех хватит...

Бригадир опять замолчал, оставаясь задумчивым, вроде бы ко всему равнодушным...

СТЕБЕНЬКОВ РАЗМЫШЛЯЕТ

Ты, Пал Захарыч, сам на жарево нажимай... Глаза не прячь, кусай в силу. Не в ресторане мы, чтобы кокетничать. На здешних морозах жратва нужна крепкая.

Вот смотрю я на тебя и, чудное дело, чувствую, что в чем-то одинаковы мы с тобой, Пал Захарыч. Разобраться в этом не так просто, да и сказать надо б умеючи... Положение у нас схожее, километры и на тебя, и на меня давят... Может, из-за возраста схожесть? Тебе за тридцать чуть-чуть, мне под тридцать уже... Житухой всей, может? Ты, слышал я, работал, потом институт кончал. У меня тоже — работа, армия, опять вот работа. У тебя стройка вторая, у меня дорога четвертая. Ты начальник поезда, я в бригадирах хожу. А вот сегодня обоим не спать. Пока не уйдет отсюда состав, пока не загрузим последний пакет на платформу. Тебе-то еще дольше крутиться, как я понимаю. До тех пор, пока не ляжет звено на сто третьем. Руки, ноги, каждая жилочка будет дергаться, если не сделано что-то. А это «что-то» не пустячок, не одних нас щекочет.

«Выговор, — говорит, — отвалю...» Давай! Но если уж до спора нам доходить, то и я ведь мог бы встречную крикотню развести. Скажем, почему у нас прожекторов нет хороших? Свет на сборке ни к черту! По костылю не вся-

кий раз попадешь. А кувалда не карандаш, попусту поднимать ее и дурак не захочет. Из-за темноты и шпалы, бывает, не по меткам ставим, потом монтеры нас кроют словами рифлеными. Но об этом я еще скажу... Он не стал шуметь, попробовал вникнуть. Вот это и нравится в нем. Сперва суть, потом, уже если по-иному нельзя, давай кулаками размахивать.

Эх, а как на последнем собрании осадил он приезжего деятеля. И тихо так, без лишнего шума. А уж тот выступал! И про общие задачи комсомола, и про великую да ударную, про страну, у которой вроде бы только и делов, что на нас смотреть, и про то, какими мы должны быть, да какие мы местами-то нехорошие. Самодеятельность, у нас слабоватая, комсомольских бригад мало, спортивных мероприятий почти не проводим, собрания по участкам собираются не всегда, группкомсорги бездельничают.

«Красиво» разливался уполномоченный гость... А Лютов возьми и спроси из зала: «Не скажете ли, товарищ, по какой линии и с какой целью вы приехали к вам?» От его вопроса рабочий президиум головами завертел, в зале шепотки начались, а говорун как-то слинял сразу. А Лютов к столу уж выходит. Вроде б спокойно, но брови над переносицей свел в одну линию, и складка над ними прорезалась.

«Мне можете не отвечать, — не обращая внимания на говоруна, сказал он. — Я знаю, что приехали вы не из Новой Зеландии. И знаю, что на комсомольской работе находитесь. Но задачу, с которой вас командировали сюда, вы не понимаете, а если уточнить, совершенно не понимаете. И, к сожалению, не вы один. Распространяться о масштабах, о плане, указывать нашим активистам на их недостатки легко. Но вас посылают не затем. Ваша прямая обязанность — на месте, хотя бы в одной организации огромного БАМа, оказать практическую помощь, научить ребят, пожить с ними рядом. Опытных комсомольских лидеров нет возможности послать в каждый поезд,

в каждую мехколонну... Комсомольцы наши выбирают ребят и девчат в большинстве по первому впечатлению, по симпатии, если хотите. Комсорги часто нуждаются в помощи более опытных. Но где же их взять?.. И вы тут появляетесь налетами, с пашками наголо. И не малым числом. Приехать, чтобы найти у нас темные пятна? Мы их не хуже вас видим. Жаль, что не всегда устраняем оперативно. Но устраняем. Хотя и без вашей помощи. Кстати сказать, очень бы нужной...»

С этим и ушел от стола. И деятель приезжий тихонько с трибуны спустился. Красным, как кумач. А на другой же день в Тынду укатил.

Правильно Лютов сказал тогда: чтобы узнать, нужно пожить с нашим народом. Тогда лишь почувствуешь, кто чем дышит.

Вот, к случаю... Побывала у нас на сборке одна журналистка, шустрая бабочка. Тиснула про нас статейку в газете. И такие мы красивые у нее получились, такие гладенькие — аж противно читать.

А еще через день примчался другой газетчик. Этот с фотоаппаратами на животе, с очками на носу. Говорит, всю бригаду крупным планом сфотографирую. Мол, с такими показателями, какие в очерке той бабочкой приведены, наши портреты во всех газетах печатать начнут. Но фотографировать он пришел на второй день, мы уж авралили. Тут копоть, слякотища, все сырое, ребята грязные. Посмотрел на них тот фотограф и скис. «Таких заросших, — говорит, — не то что в газете — в зверинце опасно показывать». И давай объективом стрелять в звенья, в «вертушку» с пакетами. Тепловоз снял крупным планом, рельсы, а хлопцев ни одного.

Дипломат лицевой. Звенья же людьми собираются! Вот они, гусары, развалились вповал, всхрапывают. Сегодня их тоже не стали бы снимать. Щетина прет со щек, рты раскрыты, губы до черноты наветрены. А я бы сказал, что тут руки фотографировать надо. Одни руки!

Сколько ими сделано сегодня? На триста, на пятьсот процентов?

Вот бы той шустрой бабочке о таком аврале рассказать. А то все по верхам. А у этих ребят свой характер, свои привычки. Санька Воротин, например, такую моду взял, черт длинноволосый! Придумал себе развлечение. Берет билет, садится в ресторан скорого и едет, пока времени хватит. На другой станции пересаживается в обратный поезд с рестораном и домой. От скуки катается. А что ему, одному? Сотни полторы на харчи оставляет, одежды у него на троих пиджаков хватает. Вот и ищет, куда деньги девать. И дружка — Коленьку Анархеева — за собой тащит. Вон, рядом с Санькой, устроился дылда. Сопит. Нос пуговкой и ротик настезь. А ломы гнет, «лапы» в руках ломаются. А что между ними общего, сразу и не понять. Санька интеллигентный, пиджонистый парень. Обхождение у него высокомерное, слова все с вывертом. Потерялся в городах, да и техникум кончать собирается. А Коленька ни встать, ни сесть без ЧП не умеет. То разобьет что-нибудь, то потеряет. А тоже «в ресторацию». За ними уже и молодняк потянулся. Прозлым раз четыре танкиста гульнули... Эти тоже спят вместе. Они и прибыли экипажем после демобилизации. Да таких в бригаде пятнадцать гавриков набирается. От рядового до старшего сержанта комплект. Солдаты. А им только-только за двадцать переступило. И уже отслужили ребята. И со специальностями все.

А вот с краю Леха Шумилов, художник бригадный. Училище кончил парень, а тоже сюда, к железу. День работает с ломом, с кувалдой, а вечерами рисует. Всех наших увековечил уже. И участок со всех сторон, и сопки здешние.

От девчат Лехе отбоя нет. И позируют, и с симпатиями идут. А тот боится девчат. На людях-то вровень со всеми держится, ершится, а как один на один остаются, проглатывает Леха язык.

Интересно в жизни бывает... Тот, кто из кожи лезет, понравиться хочет, чаще всего в дураках остается. Вон Альбертик наш скрючился на скамейке. Сандюк... У этого только и разговору про девчат. А они от него шарахаются. И вроде бы не грубит, не похабничает. Но вот есть в нем что-то такое, от чего чистого человека воротит на сторону. Да Альбертик и не скрывает, что машину здесь зарабатывает. Этого в «ресторацию» не втолкнешь, просаживать денежки он не станет. Но опять же... Если мужик сейчас над копейкой трясется, как же потом бабе с ним жить?

Может, потому и шарахаются девчата от Сандюка. Не-ет, это не Санька. Санька последнюю рубашку другому отдаст, ради гонору на голову встанет, если надо, в прорубь сиганет не задумываясь. Да и приятель его, Коленька, такого же порядка. И четыре танкиста. Нет, не углядеть такого ни одному корреспонденту. Они через проценты хотят человека узреть. А, по-моему, процент за человеком стоит... Против этого кто спорить будет? Сказать бы им, что дерево корнями сильно. Каждый из них свою капельку воды в ствол тянет, но ведь друг на друга они непохожи. Как вот пальцы в моем кулаке. Кулак тоже один получается, а пальцы все по-разному названы, каждый по-своему виден. Скажем, большой вот, заглавный. Вроде старшего среди всех. Похоже, на меня тянет в бригаде. Тут и сосед — указательный. Это уж точно Санька Воротин. Всегда на виду держится парень. Сачку рядом с ним не житье, а и после работы он какую-нибудь идею для всех подкинет. Вроде той «ресторации»...

А вот торчит в кулаке средний палец. Дальше всех выступает, при ударе вся сила на него падает. Это уж точно — Коленька. Могучий парень, наивная душа. Сила большая в него вложена, а житейского ума Коленьке еще набираться и набираться. Может, потому он и держится рядом с Санькой? Тот научит: и хорошему, и плохому. В том, наверное, всего пополам намешано. Самого еще

в шорах держать надо. Девчонку бы ему подходящую. Душевную и с характером.

Ну, про безымянный гадать нечего. Это Альбертик Сандюк. Такой может всю жизнь рядом пробыть, но все за другими. Хотя и не слаб. К себе гребануть всегда сумеет. Но по полевой резьбе живет. С виду вроде б со всеми крутится, а на самом деле в обратную сторону прет. Пока не сорвется.

Теперь и до мизинца добрался... До подхватчика нашего. Тут тоже все ясно. Ленька-стропальщик. Он у нас самый молодой в бригаде. Потому больше с крановщиком и работает. Как ни мал, а всем нужен. Коленьку на строповку ставить невыгодно, тому с домиком управляться ловчей. Да Ленька и пошустрей Коленьки. Тот пока решение примет, Ленька уже пять раз обернется...

Вот такие мы, сплоченные в коллективе... Он-то один, но люди в нем не штампованные. Не одинаковые. У каждого свои взъерошинки есть, каждый со своим настроением ходит. Бывает, работает человек, все у него горит в руках и душа поет, а то ходит понуро, злится, нытье разведет или в ахинею какую ударится. Потолкуй тогда с ним, дойди до его тесных струнок. Не подступиться бывает... Но ведь надо! И говорить, и заставлять надо. Тут только на общих мозолях, только рядом идущий будет понятен...

Ага, вот и кран наш вернулся. Больше часа поспали ребята. Все, поднимать надо...

— Пора вставать, гусары!

От крика Стебенькова даже лампочка над столом качнулась. А может, это только показалось Лютову. Он и не понял, дремал или просто, расслабясь, просидел час в забытьи.

Подняв тяжелую голову, Лютов распрямился.

— Пришел автокран? — спросил он бригадира.

Разливая по кружкам чай, Стебеньков только кивнул ему. Но тут же отворилась дверь, и Лютов увидел крановщика в бушлате с забелевшими сразу пуговицами и его помощника, подпоясанного красным кушаком.

— Пор-рядок! — сообщил курносый крановщик. — Был у соседей трос — теперь нет у них троса!

— Жевать будете? — спросил Стебеньков. — Тушенки вам разогреть?

Но парни потянулись за кружками.

— Вот чайку с удовольствием! — сочно крикнув, громко проговорил басовитый стропальщик. — Чаю не попьешь, откуда ж сила?

Проснулся дремавший на лавке Гафуров. Сонно морщась, он вертел головой, не узнавая ни помещения, ни заполнявших его людей. Покряхтывая, зевая, ребята натягивали телогрейки, солдатские бушлаты, стеганые куртки. Почти каждый из сборщиков прикладывался к кружке, торопливо глотал густой чай и скрывался за дверью, словно в открытый люк прыгал. А Стебеньков, одеваясь, наказывал вслед:

— Санька, дуй к тепловозу, пусть платформы подталкивает. Потом со своими ребятами становись на раскладку шпал. Коленька — на платформу с рельсами. Танкистам пробивать костыли, противоугоны навешивать. Шуруй, ребята, так, чтобы мотовоз у нас челноком мотался.

Минут через пять на сборочной площадке все изменилось. Темноту прорезали лучи прожекторов. В их свете двигались люди, платформы, поднимались охапки шпал, а то провисал, изгибаясь на тросе, длинный рельс. Гудел дизель МАЗа, скрипели блоки и тросы лебедок, то и дело разносились предупреждающие звонки, голоса, стук молотков. Откуда-то из глубины морозной замяти, скрывавшей полувагоны, прорывался басовитый крик стропальщика:

— ...а-андю-юк! Шпалы бери, черт полосатый!

Понаблюдав за своими сборщиками, Стебеньков покосился на стоящего рядом начальника поезда, скрыв усмешку, спросил:

— Засекли время, Павел Захарович? — Увидев недоуменный взгляд Лютова, он пояснил: — До выговора в приказе мне остается час сорок... Ждать будете?

— Ты не жди, а жми, Стебеньков, — резко ответил Лютов, прищуривая глаза. — Хохмочки потом устраивать будем... Понял?

— А как же! — улыбнулся бригадир и добавил: — Все будет в норме, Павел Захарович. Рельсы отправим в срок... Езжай и будь спокоен!

Бригадир заметил что-то неладное и, махнув рукой, ринулся на самый главный и опасный участок работы. Лютов постоял еще немного, оглядывая площадку, и медленно пошел к машине.

Гафуров уже сидел за рулем, прогревая мотор. Кивнув в сторону сборки, он усмехнулся.

— Шустро начали... Гусары! Будто и не спали совсем. — Зябко зевнув, он спросил: — Мы сегодня где досыпать будем, Пал Захарыч?

— На сто третьем, Гафуров. Если придется.

— Понятно.

В остывшей машине было прохладно, и Лютов плотнее запахнул полушубок.

Глядя в прогалины замерзшего окна, Гафуров не торопясь выруливал к трассе.

Поселок спал. Только в районе станции не затихала жизнь. Передвигался маневровый тепловоз, мигали огни светофоров. Было видно, как подкатил к станции скорый. Остановился на минуту и двинулся дальше, словно недоумевая, зачем это здесь задержали его гордый и стремительный бег.

Лютов чувствовал себя скверно, но сил придавала уверенность в том, что звенья придут в срок. Хотя... Эта уверенность и расслабляла. А Гафуров, сжимая баранку

руля, напряженно всматривался в дорогу, переметаемую струйками поземки. Находя препятствия, ветер тут же набрасывал на дорогу косые сугробы с острыми хребтинами. Мороз крепчал, и, не будь ветра, в долине Ольдоя, до самых янканских вершин, все было бы окутано плотной дымкой. Но сейчас воздух оставался чистым, и сверху на землю смотрели уставшие звезды.

— Любо мчаться сегодня — дорога пустынна, — заметил Гафуров. — Отдыхает шоферская братия. Эх, и спится в такие часы. Вытянуть бы ноги да под теплое одеяльце, а, Пал Захарыч?

— Ты про это не думай, — отозвался Лютов. — Уснешь, и в кювете очутимся.

— Скажешь тоже — в кювете. Не на того напал!

— Если на холоде вспоминать теплую печку, скорей застынешь.

— Это точно, — подхватил Гафуров. — Только я такое дело желудком проверял... Один раз, в Казахстане, поломалась машина на трассе. А там дороги — концы сотнями кэмэ измеряются. И как назло, ни одной проходящей. Хоть застрелись! А поехал я натошак, и так мне захотелось борща похлебать, аж в желудке закололо. Собираюсь вздремнуть от безделья, а в глазах борщ. Ух! Наваристый, с мясным кусочком в кулак. Как увижу полную чашку, ну никакого терпения, а забудусь немного — вроде б легчает.

— Так ты и в Казахстане успел побывать? Что ты там делал?

— Счастье искал. — Гафуров помолчал, усмехнулся. — Романтика бурлила во мне по молодости лет и по причине полной свободы личности. Получил я права — и на целину. Это через столько-то лет после распашки тех земель знаменитых! Приехал, а там уже по двадцатому разу пласт поворачивают. Дороги проложены, народ живет с полной культурностью... Ну, покрутился я год и рванул в другие края. Бывал на Алтае, в Средней Азии...

Искал свой тополек в красной косынке. Не нашел... Мохеровые шапки носит женский народ.

— Так ты еще и летун, — усмехнулся Лютов.

— Не-ет, Пал Захарыч. Я везде свое понятие вкладывал.

Воспоминания о суматохе в собственной жизни бодрили парня, согретого вниманием Лютова. Тот знал, что шофера в ночных рейсах не терпят храпящего рядом. От такого пассажира самому спать хочется.

Гафуров помолчал, выезжая на ровный участок, и озорно блеснул глазами.

— А рассказать, Пал Захарыч, как я женился?

— Ты? — удивился Лютов. — Разве ты...

— Да нет, это я так сказал, символически вроде бы. Лютов осуждающе крутанул головой, усмехнулся.

— Ну, если символически, то валяй.

— Потеха была что надо! — Гафуров вытянул из пачки папиросу, прикурил. — А случилось это уже тут, на Баме... На станцию я прибыл еще до исторического момента с «серебряным звеном». Вместе с дружкой своим закадычным. Приехали, а здесь, как говорится, одни грустные комментарии: жилья нет, машин подходящих тоже нет. Мы-то холостяки, а тут, смотрим, и семейные с кухонными столами под березками согреваются.

Но устроились мы. Дружку «зилек» достался, а мне рабочий автобус. Возить механизаторов по карьерам, на отсыпку. А то за артистами пошлют, за студентами или попросят начальство подбросить куда нужно.

С жильем тоже вопрос уладился. Приютились мы у старушки одной во времяночке. Завалюху ее подладили, подмазали, и хата будь здоров получилась. Две кровати взяли у комендантши, матрацы, белье, тумбочки... Да много ли одинокому надо?

В общем, через две недели стали старожилками станции. Народ каждый день прибывает, обустраивается.

А у нас уже и жилье, и работа, и время свободное в запасе.

Словом, малина — не жизнь. Но человеку всегда чего-то большего надо. Заимел кусок хлеба — масло глазами ищет. Есть любовь, так еще же и счастье к ней подавай. Так и у нас получалось. Затосковали мы вдруг о теплом и ласковом. К тому и природа сама подбивала. Последний месяц лета. Тут тебе и зелень, и пыль с мошкаррой, ягоды, грибы. Собирай, соли, человек, на будущую жизнь запасайся. Да с кем жить-то? Корешок мой быстро сориентировался. Приглядел одну блондиночку с крутым бюстом. И пошла у него разгорячая полоса, у которой один выход — в семейную борозду. А я один, все вроде ищу чего-то...

И вот иду как-то около станции и слышу в палисадничке, за кустами: «Перебиты, поломаны крылья, дикой болью всю душу свело...» Негромко, но так задушевно поет-выговаривает человек, что сердце защемило. Говорят, что любовь не терпит жалости. Брехня это. Любовь и есть высшее проявление жалости, доброты и нежности человеческой.

Так вот. Услышал я про те крылышки, что переломаны да перебиты, сворачиваю в палисадничек, присаживаюсь. На вид пташка лет двадцати. В брючках, с причесочкой. И сумка на боку, картинками облепленная. Ну, интересуюсь я, почему такое настроение? «Да так, — говорит. — Скучно тут. Одна лишь тоска зеленая...» И смотрит глазами большими, до черноты мутными. Нет, сам экземпляр, прямо скажем, в полнейшей заманчивой форме. Все у нее есть и все на виду.

Слово за слово — познакомились. Ее, значит, Светой зовут, я, как и есть, Муса. Намекаю на вечер в компании. Она никакого брыка, никаких возражений. Встали мы со скамеечки и пошли под лучами вечернего солнышка. А под их теплом в мужском организме особый настрой просыпается. Самые что ни есть лирические мысли в моей

башке закрутились. Думаю, вот, встретил я долю свою, соединим мы с ней крылья и полетим по свету ладною парочкой.

На этот счет у нашего брата завихрения быстрее, чем у женского пола, начинаются. Любовью до гроба клянутся, на колени падают, руки целуют и сердце свое отдают. Но вот потом смехота получается, со слезами. Иным до гроба еще тянуть да тянуть, а любовь они уже давно в этот ящик вогнали. Жил я с одной семейной парочкой по соседству, насмотрелся. Они днем так между собой «говорят», что потом, в постели, им бы только лягушек из одной чашки глотать, не то чтоб нежностями делиться...

Но это мы на заднем ходу дошурупливаем. А тогда привожу я Светочку в гости. Огурчики, помидорчики покромсал на салат, ставлю чайник на стол, бутылочку. А она молчит! И все как-то загадочно. Не то стесняется человек, не то ему сказать нечего. И еще заметить хочу: на такое вот, «золотое» молчание очень хорошо мужики ловятся. Особенно когда она глазки к полу опустит.

— Послушай, Гафуров, — перебил, не сдержавшись, Лютов. — Я и не предполагал в тебе такого психолога. Такого, понимаешь, знатока отношений...

— Надо лекции слушать, Павел Захарович. О любви и браке... На эту тему у нас в шоферской такие диспуты разгораются, что после них вообще жениться не захочется. Но это второй вопрос, и мы его еще осветим. Так. Закончил я, значит, хлопотать, еще банку какую-то распол, на стол выставил, а она все молчит. Нет, честно сказать, девка привлекательная. И опять же, мысль в голове вертится. Эх, думаю, будет грохоту, когда мы со Светой в наш поселок зарулим. На всю Казань разговору! Приедем мы после трехлетки, настоящими, с БАМа. За три года дорога куда уж уйдет! Может, думаю, и с потомством приедем.

Но недалеко я «уехал». Выпили мы с ней по стопарику, по второму. Смотрю, мечта моя как-то по-хозяйски на кро-

вати устраивается. Папироску затребовала, дым через ноздри пускает и говорит: «Ежели ты один тут живешь, то я ночевать останусь».

Обалдел я от этих слов. А больше от того, что она говорит это совсем чужому, незнакомому. И притом смотрит на меня с паскудной усмешкой. И говорит таким тоном, будто королевство дарить собирается.

Тут уже и я замолчал. «Стоп, Муса! — думаю про себя. — По тормозам давать надо!» Но в сторону сразу не сворачиваю, козыря терять мне не хочется. Да и любопытно знать, как она, молодая да красивая, до полного обнажения докатилась, почему.

Давай я к ней с расспросами про житье-бытье. Узнаю, что родом она из Забайкалья. Там у нее отец с матерью остались. А она после девятого класса бросила школу, в строительное училище поступила. Тут и волю почувствовала, закрутила хвостом. Начались выпивки с танцами, мальчики и дядечки. Из училища ее, конечно, турнули. Пошла работать, но это не по ее нутру. Завербовалась она на какой-то завод, получила подъемные. «Добрые друзья» подсоветовали ей потерять паспорт. Она так и сделала. По новому паспорту завербовалась на строительство комбината, но и трех месяцев не выдюжила. Там же спину гнуть надо! И вот, не отработав подъемные, спешковку не отдав, подается она в Находку.

Ну, не сволочная ли порода, а? Но дохожу до последнего. Спрашиваю, как же такое «золотце» на Баме-то очутилось? Да сама, говорит, остановку сделала. Решила посмотреть, что тут хорошего. И ничего, оказывается, подходящего для нее нет. Народ грубый, не ласковый. «Кто же в Находке тебя ждет, — спрашиваю. — Зачем едешь туда?» — «Подружка, — говорит, — раньше меня там прописалась. Пишет она, хорошо там. Ресторан особый имеется. Ночной, для моряков». Во-он какую веселуху ей надо! Но терпение мое уже до нуля доходило. Спрашиваю ее: «И сколько же ты по ресторанам крутиться будешь?»

Пока милиция не задержит и не вышлет, как тунеядку?» Может, я ее и задел, но ясно было, с кем столкнуться пришлось. Гадина, еще что-то про крылья чирикает! Да кто их ломал? Ей бы голову оторвать!

Поняла она, что в нашей хибаре не ночевать ей, подходит к двери и говорит: «Не понимаю, зачем вы с девочками знакомитесь?..» Ох и взорвался я тут! Наша бабка корову по утрам хворостиною провожала и прутья втыкала в плетень у калитки. Нашел я хворостину покрепче да по прицепу ее вертучему как врежу! Она бежать по темному переулку, я следом и вдоль спины причесываю. И что интересно. Драпает она от хворостины моей, а молчит, милицию не зовет!

Лютов слушал с легкой усмешкой, изредка, вприщур поглядывая на шофера. И не сам случай удивлял и интересовал его. В истории каждой стройки, собирающей тысячи людей, многое чего таится. В самом начале, когда бесконтрольно прибывают совершенно не нужные личности, любители легкой жизни и быстрого заработка, попадают в общем потоке и такие экземпляры. Но Лютова больше заинтересовал сам Гафуров, его отношение к жизни и к людям.

Раззудив себя воспоминаниями о нелепом знакомстве, Гафуров ударился в рассуждения:

— И до чего же несправедлива бывает жизнь, Пал Захарыч.

— Ну, это ты брось. Жизнь со всеми равна. Другое дело, что с ней делают иногда.

— Ладно, может, я не так сказал. Я про другое... Вот говорят, не родись красивой, а родись счастливой. Да как, скажем, кривобокому или косоротому своего счастья достичь? И чего стоит некрасивому его доля? А ведь он тоже живой человек и, может, самый что ни на есть добрый, честный, душу готов другому отдать. Ему тоже любить хочется. И любимым быть. Но как, если на него и не смотрят? А вот у такой дряни все есть, природа с ней

по-доброму обошлась, а она чего вытворяет? Ей легкости нужно. Пока молода — вот я, с глазами играющими. Хорошо угостил — бери. И обидно, что красивая же, каналья! Такая глазом поведет, кормой вертанет, и потянется за ней мужик-охломон. А в ней интересу-то — с воробьиный нос. Так где же справедливость, природное соответствие где?

— Это уже диалектика, — усмехнулся Лютов. — Старый спор о форме и содержании. А они до сего времени не совмещаются.

Гафуров глянул на Лютова и, недовольный, глубоко вздохнул.

— Разные люди и по-разному живут на земле.

Лютов не поддержал разговор. Склонив голову к стенке машины, он запахнул на груди полушубок, хотя в салоне опять было тепло и уютно.

Гафуров тоже молчал, всматриваясь в очертания насыпи, сереющей рядом с автомобильной дорогой. Он словно потерялся в пространстве и теперь хотел определить свое место. А узнав его, торопливо нажал кнопку сигнала. Перекрывая рокот мотора, над спящей, пустынной округой разнесся мягкий баритонистый звук. Лютов коротко взглянул на шофера, отвернулся к окну, но вдоха не спрятал...

ВОСПОМИНАНИЯ ГАФУРОВА

Мимо этого места, не вздохнув, не проедешь. Особой меткой оно отмечено, и у многих оно держится в памяти...

По осени, трава уж пожухла, подвозил я сюда старуху и вдову молодую в черном костюме. Еще девчушка с ними была, годиков четырех. Бантики у нее тоже темные, а глаза голубые, будто цветки на весеннем лугу. Этому человечку еще многое предстоит понять. И бабушкины слезы, и мамкину печаль.

Когда остановились, старуха подошла к линии и по-

ложила на конец шпалы букет полевых цветов. Сама тут же присела на бровку. Оно и понятно. Большое горе всегда обессиливает, не каждому рядом с ним устоять.

Хороший был парень. Сколько раз подвозил я их на укладку. По именам каждого знал. Ничего тут не придумать, а по-мужски, коротко говоря, это — настоящий народ. На жизнь они смотрели чисто, безбоязненно и честно, все воспринимали как есть. Они здесь первыми шли, с нуля начинали. На бездомье, почти без всего, чем теперь мы богаты. А сколько лиха хватили до первого кубометра, до первого дома, первого звена на полотне?..

И все же радостные были те дни. Ведь чудо на наших глазах творилось. Стояла тайга, камень лежал на берегах рек, тянулись мари с бездонными топиями. И вот, километр за километром начала вытягиваться железная дорога, и поползли по ней тепловозы, грузовые составы. Кто тут видел такое движение? А они о большем мечтали. О новых километрах, о работе на Большом БАМе. Без трескотни, для себя мечтали. Просто хотели увидеть здесь пассажирские поезда, прокатиться на первом...

В роковой день оборвалась у одного из них мечта. Той осенью тоже не все ладилось на укладке. А нужно было выйти на сорок первый, продолжить к нему рельсы. И они вышли в срок, измотав себя до предела.

Почти невозможное сделали ребята. Начальничек бывший раздобрился, решил «отблагодарить» их — привез водки на трассу. Не мог по-хорошему отметить победу, пустая голова.

Вместе со всеми моторист дрезина заправился, не утерпел. И покатила ребята на той дрезине по своим километрам.

На кривой моторист не мог во время затормозить, и дрезина на полном ходу сошла с рельс, перевернулась. А тут еще вспыхнул бензин из разбитого бака, загорелась дрезина...

Так вот и не стало одного хорошего парня.

Обидно за бессмысленную гибель человека. Горько, конечно! Но БАМ — это не только вечная мерзлота, не только тайга с бездорожьем, про что везде пишут. Когда работают тысячи людей и машин, трудненько предусмотреть все. Вот на шестидесятом километре перевернулся МАЗ. А там сгорел вагончик. На рубке просеки лесина ударила неосторожного, а на участке мехколонны сполз с насыпи бульдозер...

Не так уж много таких ЧП, но каждое — суровая память о нашей жизни на стройке.

Как-то, еще на автобусе, подвозил я до мастерской машиниста экскаватора. Там ему деталь одну делали, но не успели. Эх, как он разносил ремонтников, какие рулады выдавал начальнику ихнему! Я возьми и скажи тогда, что если за такие «выступления» наряды выписывать, мужик уже квартальный план завершил. А один товарищ, что с нами ехал, и говорит: «Ты по этому не суди, молодой человек! Он и за рычагами горазд. Третью дорогу строит мужик, четыре ордена на груди носит». И назвал он фамилию, которая, пожалуй, по всему БАМу известна.

Вот ведь как получается. На торжественном собрании все мы одинаково хороши да нарядны. А в рабочей одежде разные. Как и работа сама. Что уж про жизнь толковать? У нас тут тоже и веселые песни поют, и скучают, влюбляются и разводятся, то дружат, то ссорятся, рожают, болеют... И вот, бывает, гибнут по недосмотру, из-за человеческой глупости. Кому утешение, что дали виноватым положенное. А не скоро затихнет боль в сердце матери. Запомнит ли тот пикет девочка с темными бантами в косичках? Да и матери ее, вдове молодой, еще долго будет помниться тот роковой километр. Может, когда откроют пассажирское движение, доведется ей ехать по знакомым местам. Хоть ночью, поди, а встанет к окну, задумается...

Может, мне случится еще не раз подвозить их. Гово-

рят, кто любил по-настоящему, долго печалится. Но живое всегда должно побеждать. Бедой долго не продержаться. Тогда вся жизнь осенним листом станет, свернется в сухую трубочку. Кто же сказал это? От кого-то слышал я про желтый лист. Не Пал ли Захарыч? Он может хорошее слово подкинуть. Это только по виду суров, а под полшубком, в душе у него все струнки имеются, как и у других. Только он не колотит по ним, вроде гитаристов. Другой раз вижу, горит весь от злости, а молчит. Для невинного не обидно молчит, во взаимном понимании, как говорят.

С таким дружить хорошо. Да и хорошей бабе лафа, не жизнь! Только где их набрать-то, хороших? У него вроде бы есть жена, да где проживает? Почему с ним не приехала? Кочевка, поди, не устраивает. Да и не Крым тут у нас. Живем на южном берегу Ледовитого океана. Летом пыль да грязь непролазная, комарье, мошкара, зимой морозы, метели. В домах углы промерзают. И скучновато бывает. Сходить куда? Только в клуб. Меха да побрякушки тут показывать некому. Все ж свои, а перед своими чего выхваляться, строить из себя таинственную незнакомку. Здесь через месяц старожилками называются.

Молчит, задумался. Зубы стиснул, аж скулы выперлись. И нос вроде вытянулся чуток. Может, и он вспоминает? Тогда, поезд приняв, в первую очередь на этом километре остановиться велел. Долго осматривал все с папирсой в руке. Молчит, а лоб мокрый. Может, заболел? Спросить? Не скажет, только высмеет своими глазами. Такой будет молчать, пока не свалится...

Гафуров еще раз глянул на Лютова, сидящего напряженно и прямо, и не утерпел.

— Полюбопытствовать хочу, Пал Захарыч. Да как-то неловко мне...

— Любопытствуй.

— Половинка твоя нынче где проживает?

Лютов повернул голову, с удивлением посмотрел на шофера, и в глазах его промелькнула смешинка.

— Так я и знал! — смущенно пробормотал Гафуров. — Не в свое сунулся...

Лютов склонил голову к стеклу, прикурил папиросу и только потом ответил, глядя вперед:

— Все просто, Муса. Я строю дорогу, она во Владивостоке живет.

— Не поехала, стерва?

— Почему — стерва? У нее свой взгляд на жизнь. За это не судят.

— А любовь как же? Любовь должна быть? Должна она как-то, ну, проявляться, что ли?

— Любовь в каждом из нас всегда есть. Ты вот любишь тепло, солнце, зелень весеннюю, хорошую книгу, мать, сестер...

— Это не то, Пал Захарыч. Я о любви промеж людей.

— Тут посложнее бывает. — Лютов помолчал, щурясь, ответил с неохотой: — Бывает, чувства с интересами сходятся. А бывает, и расходятся. Три года я строил дорогу в Приморье. Деньги посылал, сам приезжал раз в квартал. Звал с собой — не поехала. Но и сам не смог без своего дела остаться.

— Ну! Это что птице без голоса быть!

— Как видишь, все просто, Гафуров. В природе отношений бывают несоответствия, и людям иногда приходится признавать их.

Лютов замолчал, и по тону его Гафуров понял, что замолчал он надолго.

Мир оставался таким же, как был, — огромным, стывшим в ожидании рассвета. Оставались позади и подъемы и спуски, шуршали о гравий колеса, уплывали куда-то молчаливые сопки. Но были другие миры. Они существовали в каждом из двух мужиков, сидящих в машине, маленькой, упорно одолевающей километры.

Подчиняясь тишине и чувству, пробужденному любопытным шофером, Лютов вспоминал свой последний приезд в город. Тогда он жил подобно человеку, идущему по тонкому льду. И он уже устал ждать зловещего треска. Днями пропадал с сыном в городе, катался на морских трамваях, смотрел кино, любовался бухтой и кораблями. Но как ни тяни, приходит последний день, последний вечер. И, ни на что в общем-то не надеясь, он все же спросил:

— Ты едешь?

Лютов шевельнулся, зябко передернув плечами. Не от озноба. Ему и сейчас стало противно за свою тогдашнюю слабость. Зачем он спрашивал? Разве он не видел холода в ее подкрашенных, удивленных и чужих глазах? Но все же спросил. Наверное, желание ясности толкнуло его...

— Я не гожусь в романтики, Лютов. — Она помолчала, разглядывая массажную щетку. — Алименты года полтора можешь не высылать. — И спокойно обвела рукой, показывая на диван, тахту, ковры, пианино и прочую домашнюю роскошь. — Думаю, обстановка квартиры этого стоит. Тебе она не нужна, а я к ней привыкла. Да и сын...

Все это было настолько враждебным, неприкрыто чуждым и далеким, что он не стал дожидаться утра. Уходя, поцеловал спящего сына и попросил хотя бы открытками сообщать о нем, пока мальчик сам не научится писать. Лютов надеялся, что, повзрослев, сын поймет его. Но этого предстояло ждать, а ждать — теперь он хорошо знал — очень не просто. Совсем не легко, если даже собственная жизнь заполнена хаосом забот, в которых переплетаются люди и краны, километры и судьбы, мосты, вагончики, мерзлота, рельсы и кровати — все, что было его делом и входило в короткое определение БАМ. А в нем еще и Гафуров со Стебеньковым, дорожные встречи, звонки и совещания, в нем и Бурьянов с брига-

дой, озверело работающей в эти часы ради нужных всем километров.

Так они и ехали. Молча, каждый думая о своем. И только на въезде в поселок Гафуров спросил:

— Прямо на трассу?

— К конторе сверни.

Проезжая замершими и пустынными улицами поселка, Гафуров устало заметил:

— Ни в одном окне света не видно. Дрыхнут славяне. — Остановившая машину у крыльца управления, он спросил: — Я успею на заправку слетать?

— Только недолго.

На стук двери, встречая Лютова, в коридор вышел Федор Лукьяныч Лукьянов, тоже одетый в полушубок, с таким же, как у начальника, усталым лицом.

Лютова встреча не удивила. Лукьяныч, как звали в управлении этого человека, работал его замом по кадрам и быту, но имелась у него и самая людная должность — секретаря партийной организации поезда.

По возрасту Лукьяныч был старше всех управленцев, имел за плечами фронт, а на теле — рубцы от осколков. До перехода в конторские, он много лет работал на экскаваторах, водил большегрузные автомашины, а позже командовал бригадой и участком ремонта. И везде оказывался, как говорят, на своем месте.

С людьми работать — мало быть хорошим специалистом. И трудно сказать, что помогало Лукьянычу... Видно, справлялся он потому, что жизнь и дела окружающих всегда были его собственной жизнью, и не имел он забот, кроме тех, которыми жили эти окружавшие его люди. Но и что-то еще было в его душе. Даже раз повстречавшись с Лукьянычем, запоминал человек особую его внимательность, доброту и житейскую мудрость. Каким-то внутренним чувством люди понимали, что этому старику с глубокими морщинами на лице и тяжелыми, крупными руками известны их промашки и слабости, но причины их

понимаются с безобидной усмешкой, а опыт и разум всегда готовы помочь. Строгим ли словом, дельным советом или обязательным требованием.

Лютов не раз замечал, что с Лукьянычем он и сам чувствовал себя как-то увереннее. И поражало, что для этого неторопливый с виду Лукьяныч ничего приметного вроде бы и не совершал. Но как и другие, Лютов привык к тому, что в тяжелые моменты парторг оказывался рядом с людьми, привнося в ход работы что-то свое, нужное ко времени и к действию. И эта способность Лукьяныча вызывала в душе Лютова тихое удивление.

Пожав руку парторга, он прошел в его кабинетик, устало опустился на стул.

— Наверное, ездил на трассу?

— Да вот, четверть часа назад вернулся. — Лукьяныч тоже присел у края стола, напротив Лютова и, взглянув в его лицо, встревожился: — Да ты, парень, здоров ли?

— Как дела у Бурьянова?

— Бригада свирепствует. Навстречь ветру идет. Когда я уезжал, заканчивали шестой пикет сто второго.

— Шестой? — Лютов представил участок. — Значит, вышли они на кривую?

— В аккурат начинали...

— Укладчик двигается?

— Пока греют. Бурьянов говорит, что бочку солярки уже спалили. Да, перед твоим приездом звонили со станции. «Вертушка» с пакетами на подходе. А вот это сторожиха оставила...

Взяв из рук парторга листок бумаги, Лютов с удивлением начал разбираться в каракулях, из которых сложились слова: «Обходный маневр одобрен Москвой. Дажымай Лютов». Он еще раз перечитал написанное и, вникнув, легко вздохнул, улыбнулся. Москва утвердила их вариант обхода! Утвердила, снимая камень, давивший на Самого, на Лютова с Бурьяновым, оправдывая труд

каждого монтера. Сотни тысяч, взятых ими из миллионов, затрачивались не зря, четырнадцать километров обхода признавались необходимыми и теперь имели законное право на временное свое существование.

— Хороша весть? — улыбнулся Лукьяныч. — Теперь, как Сам телефонировал, остается только дожимать. В какую сторону ни поверни, а мы то перо, которое ставит последнюю точку.

Лукьяныч помолчал, оглядывая наваленные на столе бумаги:

— Я тут заметку набросал. Немного погодя думаю поднять нашего редактора-художника да специальную «молнию» сделать. Экземплярах в трех. Вывесим одну у столовой, в клубе и обязательно на доске Почета.

Вытянув ноги, Лютов молча кивал. Вспомнив, спросил:

— Как вечер прошел?

— По-хорошему, согласно программе. После торжественной части дали концерт, потом танцы начались. Все обошлось без инцидентов. Участковый от скуки весь вечер в настольный теннис пулялся. Ты Самому звонить собираешься?

— Теперь-то зачем? Потом, после всего.

В рассветной серости окна промелькнул свет машинных фар, и Лютов поднялся со стула.

— Лукьяныч, загляни, пожалуйста, в столовую, — попросил он. — Я предупреждал заведующую насчет обеда, но па всякий случай проверь. Если надо, поднимай на ноги весь отдел УРСа. Чтобы к одиннадцати стол был накрыт на всю бригаду Бурьянова. Пусть выставляют самое лучшее, сервис на уровне ресторана «Золотой Рог»! — Уже шагнув в коридор, он обернулся. — Да, после десяти подсылай на трассу автобус. Не бортовушку обычную, а непременно автобус!

— Ладно, ладно, Пал Захарыч. Скачи, раз уж тебе так не терпится.

Но Лютов не слышал слов старика. Хлопнув дверью, он быстрыми шагами подошел к машине.

— Хорошие вести, Пал Захарыч? — поинтересовался Гафуров. — Может, премиальных поезду отвалили?

— Отвалили. Больше, чем премиальных. Жизнь все же — преинтересная штука!

Гафуров посмотрел в лицо начальника, ничего не понял, но и в подробности вдаваться не стал.

К северу от поселка дорога была разбитой и разъезженной, как в прифронтовой полосе. По недавней осенней слякоти ее разминали колеса тяжеловесных машин, гусеницы бульдозеров, тягачей, огромных прицепов. Здесь совсем рядом еще шла большая работа, и каждый километр движения вперед приближал к местам главных событий. И сейчас еще можно было видеть, как перегоняются по дороге многотонные экскаваторы, не уверенные на ходу.

Миновав очередной поворот, Гафуров круто направил машину вниз, по свежему гусеничному следу бульдозера. Еще вчера автодорога проходила здесь по старому полотну. Теперь оно было занято по назначению, и, видно, старик Егоров побеспокоился о водителях, сделал им новый выезд от линии.

Еще издали Лютов увидел подошедшую к укладчику «вертушку» с пакетами звеньев. Состав из платформ сразу напомнил упрямое лицо Стебенькова. «...Ладно, бригадир, — раздобрев, с неожиданной теплотой подумал Лютов. — Пока поживешь без выговора в приказе. Он у тебя впереди, как у каждого из нас». Тут же, словно диктуя, он подытожил: «Бригаде — вымпел, каждому сборщику — премию!»

К приезду Лютова бурьяновцы заканчивали кривую и продвигались к точке соединения с проектной трассой. Впереди укладчика на полотне тарахтел бульдозер, с обснеженной кабиной, а дальше за ним, теперь уже близко, торчал столб с отметкой сто третьего километра.

Около путеукладчика двигались люди с факелами в руках. Их огонь напомнил Лютову картинки из времен инквизиции. Но здесь было совсем другое. Факелами люди отогревали буксы и рабочие узлы огромной машины. Заодно костеря тех, кто догадался прислать на БАМ эту машину, способную работать только в южных районах. Прекрасный, компактный агрегат со своим ходом и улучшенным управлением поступил уже в холода, смазку и оборудование менять было поздно, да и некогда, и теперь, в стужу, укладчик стал «мерзнуть»: без подогрева его моторы отказывались передвигать машину, с трудом справлялись свою работу лебедки.

Факелы, укрепленные на палках, чадили, бросались на людей дымом и пламенем, и к концу тяжелой смены монтеры ходили закопченными, с обгоревшими ресницами и бровями, в прожженной одежде. Теперь Лютов не сразу узнавал рабочих, кажется совсем недавно отправленных им на трассу. Как они были непохожи на тех, вчерашних, говоривших с ним в тесноватом вагончике. Он видел обветренные, холодом и огнем опаленные, потемневшие лица, свежие пятна на прихваченных морозом щеках, иссушенные губы. Шапки с завязанными на затылках ушами у большинства были сбиты, развернуты, из-под них торчали чубы, а на спинах, на груди и плечах, на всех сгибах одежды белел въевшийся в материю иней.

Монтеры состыковали очередное звено. Двое из них, подхватив «целовальник», потащили его вперед. Увидев на полотне Лютова, один повернулся к нему, вскинув руку в широкой рукавице-верхонке.

— Начальству — братский привет!

Только теперь по улыбке и голосу Лютов узнал Корзинкина.

Сам бригадир стоял перед стрелой укладчика, держась к ветру спиной. Нос Бурьянова алел между заросших щек, грудь покрывал плотный слой куржака, но на начальника бригадир посмотрел с нескрываемой озоровато-

стью, и каждой черточкой на лице, каждым жестом он говорил ему: «Вышли же! Видишь?!»

Бурьянов хотел что-то сказать, но оператор укладчика подал очередное звено. Соскользнув с роликов, оно выдвинулось вперед и закачалось на тросах. Подчиняясь команде Бурьянова, оператор медленно опускал плеть, и, когда до земли оставалось с полметра, к ней подступили монтеры. Ухватившись за рельсы, упираясь ногами в снег, они начали раскачивать семитонную махину, слушаясь команды бригадира.

— Дави, ребята, дави! — хрипло гудел Бурьянов, выдыхая пар и цепко следя за звеном. — Еще разок, еще! — Уловив момент, он резко взмахнул рукой. — Есть!

В тот же миг оператор отпустил тормоз лебедки, и, придерживанное в нужном положении, звено грохнулось на укатанный верх полотна. Под шпалами жалобно скрипнул снег, звенькнули освобожденные траверзы.

— Попали, бригадир? — спросил Горихватко.

— Хватай, ребя, ломы! — заторопил всех Бурьянов. — Малость подправим!

С ломками в руках, монтеры растянулись вдоль звена, опять глядя на бригадира и слушаясь его. А Бурьянов завел песню, поддающую ритм в работе.

Муста-фа до-рогу строил,
Муста-фа по ней хо-дил,
Муста-фу Жиган заа-резал,
Колька Свист похоро-нил!..

Под этот необычный напев, подчинявший усилия многих рук, звено передвигалось, и наконец его рельсы сравнялись в линии с рельсами звена, уложенного раньше и теперь придавленного многотонным укладчиком.

— Давай! — обернулся вперед Бурьянов.

У конца звена эту команду ждали Корзинкин и бригадный комсорг Сотов. В четыре руки раскачивая тяжелый «целовальник», они начали ударять им по рель-

сам. Приколоченные костылями к шпалам, рельсы смещались с большим трудом — миллиметрами на каждый удар.

Когда зазор между звеньями уменьшился до предела, Бурьянов остановил ребят. Пожилой монтер в приметной шапке вместе со своим напарником приложил к рельсам тяжелые накладки и начал скреплять их болтами. У второго стыка хлопотала пара во главе с грузином Цитнадзе. Остальные монтеры, рассыпавшись вдоль звена, сбивали противоугоны, передвигали шпалы по меткам, доколачивали костыли.

Едва люди управились с этой работой, Бурьянов опять поднял руку, и над снежной равниной пронесся его приказ:

— Двигай!

Покоряясь воле людей, путеукладчик двинулся с места. Его колеса, словно нащупывая опору, осторожно перекатывались через новый стык, и всей мощью огромная машина вдавливала в плотный снег черные от пропитки бруски шпал.

В эту короткую минуту переезда работавшие внизу монтеры могли смахнуть пот, перекинуться словом, перенести инструмент.

Лютов шагнул к Бурьянову.

— Решил своей сменой закончить?

— Нехай пролетариат зорюет, — усмехнулся Бурьянов. — А часть ребят к нам ночью приехала. Вместе с Лукьянычем. Теперь вот подменяемся на факелах да по очереди бегаем греться.

— А рекорд за нами тэпэрь! — проходя, блеснул глазами грузин. — Тэпэрь нам нэ страшно, Павел Захарович!

— Ты говори «гон», когда до отметки допрыгнешь! — усмехнулся Бурьянов и спросил Лютова: — Дальше сам вести будешь?

Кивнув, Лютов вышел к укладчику. Отгремев на роликах, к полотну уже спускалось очередное звено. Здесь

его опять подхватили руки бригады, но теперь она работала, подчиняясь командам и жестам начальника поезда. Прищурился глаза, в радиусе раскачки Лютов определял невидимую осевую отметку пути и, поймав ее, резко, бурьяновски вскрикнул:

— Есть!

Звено шлепнулось на заснеженный грунт, и опять вокруг него хлопотали люди. Они точно знали свои обязанности, и, хотя операции были знакомы и повторялись, каждый делал работу с быстротой и ожесточенностью, за которыми угадывалось общее желание скорее дойти до заветного столба у начала сто третьего километра.

Нехотя, зябко над сопками поднялось солнце, а ветер все также гнул редкие на мари кусты, срывал с листвянок желтые иглы и, перегоняя по сугробам поземку, относил в сторону голоса людей, скрипы роликов и лебедек, натужное гудение моторов. Втыкались в мерзлое полотно ломы, глухо вздыхала под упавшим звеном земля, опять стучали молотки, и, повторяя слова бригадира, приговаривал Лютов:

— Дави, ребята, дави!

Ведя укладку, он видел в деле каждого из бурьяновцев, от которых зависело время работы и точность исполнения его команд. То наверху, на строповке звеньев, то внизу появлялся Цитнадзе. Даже за теплой одеждой угадывалась лозниковая гибкость этого парня, рожденного на обласканной солнцем земле. Но теперь он переходил на «ты» с морозом и ветрами Ближнего Севера...

То ли поддразнивая бригадира, то ли просто бубня вьевшиеся слова про Мустафу, крутился среди товарищей Корзинкин со своим рыжим чубом. Иней побелил и бакенбарды Корзинкина, теперь вовсе и неприметные, не уродующие лицо веселого парня. Подменяя то молчаливо сопящего, усердного хохла, то Сотова, Корзинкин успевал на рехтовку звена, с кряканьем опускал на торцы рельсов «целовальник», как-то замечая задержки у других,

приходил на подмогу крепившим накладки, непослушные рукам в грубых рукавицах.

Перед Лютовым мелькали знакомые лица людей, объединенных делом и целью, живущих ритмом и напряжением особенного порыва. Их, как и его, согревало и торопило чувство близкой победы. Она была нужна, близка, и незаметно для самого Лютова в его движениях, в чертах лица уже просматривалась бурьяновская уверенность.

Работая, Лютов не заметил подхода автобуса. Сначала его удивил появившийся корреспондент. Но потом он увидел среди монтеров Лукьяныча и Гафурова с ломами в руках. А оглянувшись он, когда под откосом, перемалывая гусеницами снег, к автодороге прошел бульдозер старого Егорова. Совсем рядом торчал желтоватый, грубо ошкуренный столб с неровными цифрами 103 на затесе.

Оставались последние метры. Побросав в снег шипящие факелы, в общую цепь рехтовщиков встали все остальные монтеры. Даже машинист укладчика, выпрыгнув из своего сиденья, прилепленного над колесами, втиснулся в кучу, подталкивая других и хватаясь руками за два лома сразу.

Продрогшему Лютову тоже хотелось встать в один ряд с бригадой, вместе с нею выправлять звенья и рядом с другими положить на рельсы пару собственных рук. Но и стоя в одиночестве на поднимавшемся полотне, он жил едва скрываемой радостью, какой-то окраиной души чувствуя, что ради этого момента можно было пережить прошедшую ночь, стоило поволновать себя воспоминаниями давних лет и близких событий.

Когда очередное звено повисло над границей участков, из-за укладчика выскочил Бурьянов.

— Пал Захарыч! Разреши устроить последнее?!

Бурьянов просил, а глаза, голос требовали своего, заслуженного. И, понимая бригадира, Лютов отошел в сторону.

Бурьянов, став напряженно-сосредоточенным, привыч-

ными взмахами руки и также простуженно хрипя, уложил последнее звено, накрывшее ничем не обозначенный рубеж. Но, когда звено было состыковано, он опять поднял руку, приказывая продвигать укладчик вперед.

— Тут ни два, ни полтора! — улыбнулся бригадир обветренными губами. — Чтобы без сомнения было, давайте еще дальше шагнем!

Кажется, в первый раз за последние сутки Лютов отозвался неопределенным движением плеч. И если бы усталые монтеры сейчас, дойдя до отметки, побросали инструмент, сказав завершающее «баста!», он не смог бы потребовать от них большего. Определявший силу заряд был использован полностью, струны натянуты до предела. Но никто не возроптал против желания бригадира, и линия протянулась еще на двадцать пять метров.

Когда укладчик остановился на последнем звене, Корзинкин, посмотрев на уходящее вдаль полотно, проворчал:

— Ну и соседи у нас. Ни тебе духового оркестра, ни представителя с флагом.

— Не до хорошего, — буркнул застывший вконец оператор. — Пусть бы с бутылкой стояли.

— Гуляют черти! — усмехнулся Горихватко, все еще державший в руках молоток. — Потягаются на кроватях...

Цитнадзе, увидев корреспондента, шагнул к нему.

— Пышы, дарагой! Теперь всо пышы! Про нашу работу, про рекорд! Пусть везде знают, чего делаем тут!..

Ах, как же хотелось этому парню, чтобы там, вдалеке, где оставалась отвергнувшая его девчонка, знали про него, про работу его!

Сотов вместе с пожилым монтером подтащил к укладчику «целозвальник» и, устроив его, выдохнул:

— Все, братцы!

Этим негромко сказанным «все» подводилась черта под долгими часами аврального штурма. Теперь, далеко от

укладки, на десятках схем и карт люди могли продолжить красную линию, обозначавшую существующий путь. По цепочке, по проводам мог начинать свое движение рапорт о завершении намеченного, а парни, сделавшие эту работу, снимали шапки, ими же вытирали мокрые лбы и смахивали с ресниц иней. Они сбивали с одежды снег, а над их головами курился парок, сдуваемый ветром. Дрожаящими от недавнего напряжения пальцами они доставали сигареты и папиросы, закуривали, жадно затягиваясь.

Лютов медленно подошел к бригаде, оглядел всех, в прищуре скрывая радость, и повернулся к Корзинкину.

— Ну вот... Сумели же? А ты сомневался, чудак!

Корзинкин даже рот открыл от удивления.

— Это за что на меня, Павел Захарович?

— Значит, понравился, — смеясь вместе со всеми, вошел в круг Лукьяныч. — С победой, товарищи! Молодцы! Сработали сознательно. Теперь и с праздником вас!

— Опять на сухую? — поинтересовался Корзинкин.

Вминая окурок в снег, Бурьянов деловито заметил:

— Разговеешься дома.

— Какое там говение, — огорченно вздохнул пожилой монтер, натягивая на голову свою приметную шапку. — Сейчас стаканчик подай — и голову к подушке потянет.

— А ты не горюй за всех, не горюй.

Глядя на бригаду, ставшую ближе, понятнее, Лютов хотел сказать этим чумазым ребятам особенные слова, но, как и вчера, в вагончике, они сразу не находились, и он хмурился, сводя брови. Выручил его Лукьяныч:

— Давайте в автобус, товарищи. После такой работы в два счета простыть можно. А нам еще и дальше дорогу вести. Едем прямо к столовой. Для вас уже накрыты столы.

— За чей счет, интересно?

— Управления, Корзинкин, управления, — подталкивая парня, рассмеялся Лукьяныч.

Убрав в свою теплушку инструмент, бригада заторопилась к автобусу. Корзинкин втиснулся в дверь последним и, упав кому-то на колени, пропел козлетоном:

Ямщи-ик, погоняй лошадей!

Нет, это были живые, хорошие парни! Чертовски уставшие, грубоватые с виду, но работающие и чертовски влюбленные в жизнь.

Автобус уже сворачивал к трассе, когда Лютов открыл дверцу своей машины. В салоне, протянув руки к радиатору «печки», отогревался корреспондент. Кивнув ему, Лютов сел, стараясь держаться подчеркнуто прямо. Он просто боялся, что если сядет удобнее, то уснет, не доехав и до поселка. Каждой клеточкой тела он вдруг почувствовал неодолимую слабость.

Не поворачиваясь, он спросил, лишь бы не молчать:

— Ну как, товарищ пресса, репортаж будет?

— Думаю, будет, Павел Захарович. — Корреспондент оживился: — Я расскажу обо всем... Могу я спросить?

— Что вас интересует?

— Мне интересно знать, что вы, как человек и руководитель, испытываете в эти вот первые минуты после такой победы?

Лютов удивленно взглянул на корреспондента, на Гафурова, рулившего молча и задумчиво. Ответил он не сразу, отрешенно глядя вперед.

— Если уж так важно... Можете записать: в эти минуты я испытываю острое желание уткнуться носом в подушку...

В его глазах, словно засоренных, вздымалась подминаяемая машиной дорога.